«СЛЕПЫЕ ПЯТНА» В ДИАЛОГЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ:

От спора вокруг нарративов к улучшению взаимопонимания

inmedio peace consult ggmbh

ИНСТИТУТ ПРАВА И ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ
INSTITUTE FOR LAW AND PUBLIC POLICY

Отпечатано

Inmedio Peace Consult Gmbh

Holbeinstr. 33, 12203 Berlin; +49 (30) 45490801

www.inmedio-peace-consult.org

info@inmedio-peace-consult.org

Институт права и публичной политики

129090, Москва, ул. Щепкина , 8; +7 (495) 608 6959

www.ilpp.ru

info@mail-ilpp.ru

Отчёт доступен для скачивания на английском и русском языке

www.contested-narratives-dialogue.org

Финансовая поддержка оказана

Федеральным министерством иностранных дел Германии

Federal Foreign Office

Содержание

Предыстория: Авторский процесс — **4**

Список экспертов – участников проекта — 4

Организаторы и Консультативный совет проекта — 6

Резюме — **8**

ЧАСТЬ 1 — **11**

Введение: что пошло не так после окончания холодной войны? — 11

Конкурирующие нарративы — 16

Российско-западные «слепые пятна» — 23

В поисках третьего нарратива: реконструкция историй, (не) рассказанных об Украине — 32

Ключевые выводы: наиболее важные соображения, возникшие в ходе рабочих совещаний — 40

Что делать? «Острова сотрудничества» — 43

ЧАСТЬ 2 — **47**

О методологии: Подход посреднического диалога
Максим Крушвиц, Евгения Сайко — 47

Предыстория

Авторский процесс

Настоящий доклад является результатом коллективных усилий участников проекта российско-немецкого диалога «Размышление о конфликтах». Он основан на процессе диалога, который длился на протяжении двух семинаров, проведённых в Москве и Берлине в сентябре и ноябре 2018 года. Все вопросы, отражённые в части 1, активно обсуждались в группе и отражают обобщённое описание итоговых выводов.

По словам одного из участников семинара, этот процесс является авторским.

Тем не менее, не каждое утверждение, сформулированное в этом докладе, обязательно отражает позицию всех участников проекта или организаций, которые они представляют. Несмотря на то, что отчёт освещает основные темы, выводы и рекомендации, он не в полной мере отражает плодотворные и продуктивные дискуссии. Он призван подчеркнуть основные моменты сближения и расхождения между участниками и стимулировать дальнейшую работу над историческими интерпретациями о европейской безопасности и возможном выходе из нынешнего политического тупика.

Тексты в части 2 доклада также отражают некоторые аспекты диалога, однако они разработаны лично отдельными участниками.

Проект был разработан и реализован Inmedio Peace Consult GGmbh (Берлин) и Институтом права и публичной политики (Москва). Проект получил финансовую поддержку от Федерального министерства иностранных дел Германии в рамках расширения сотрудничества с гражданским обществом в странах Восточного партнерства и России.

Доклад доступен для скачивания на английском и русском языках по ссылке www.contested-narratives-dialogue.org.

Список экспертов – участников проекта

— *Наталья Бурлинова*, Общественная инициатива «Креативная дипломатия», Москва

— *Константин Баранов*, Международное молодёжное правозащитное движение, Ростов-на-Дону / Вильнюс

— *Кэролайн Джил (Karoline Gil)* (Институт международных отношений), Junge DGAP (Немецкий совет по международным отношениям), Штутгарт

— *Виктория Иванченко*, Общественная инициатива «Креативная дипломатия», Москва

— *Максим Крушвиц (Maxim Kruschwitz)*, Университет Фридриха Шиллера, Йена

— *Андрей Медушевский*, НИУ «Высшая школа экономики», Институт права и публичной политики, Москва

— *Томас Мюллер-Фэрбер (Thomas Mueller-Faerber)*, Протестантская академия Loccum

— *Кристиан Нюнлист (Christian Nünlist)*, Центр исследований безопасности (ЦИБ), Федеральный технологический институт Цюриха / Сообщество аналитических центров и академических институтов ОБСЕ, Гамбург / Цюрих

— *Александра Огнева (Alexandra Ogneva)*, Российский центр науки и культуры, Берлин

— *Неле Кеке (Nele Quecke)*, Институт политических наук им. Гешвистера Шолля, Университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен

— *Сергей Растольцев*, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва

— *Евгения Сайко (Evgeniya Sayko)*, demoSlam.org; Немецко-Российский форум, Берлин

— *Ольга Сидорович*, Институт права и публичной политики, Москва; член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

— *Марк Симон*, Московская высшая школа социальных и экономических наук

— *Дирк Сплинтер (Dirk Splinter)*, Inmedio Peace Consult, Берлин

— *Сергей Уткин*, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва

— *Андреас фон Вестфален (Andreas von Westphalen)*, независимый журналист и соавтор российско-немецкого проекта диалогической памяти «Horchposten 1941 / я слышу войну»

— *Любяна Вюстехубе (Ljubjana Wuestehube)*, Inmedio Peace Consult, Берлин

— *Василий Жарков*, Московская высшая школа социальных и экономических наук

Предыстория

Организаторы и Консультативный совет проекта

Inmedio Peace Consult Gmbh (Берлин) является некоммерческой консультационной организацией – исполнителем проектов по медиации и диалогу. Являясь третьим участником группы Inmedio, организация, которая была основана в 2017 году, использует в своей деятельности двадцатилетний богатый опыт работы в сфере медиации и подготовки медиаторов. Inmedio занимается процедурой медиации, проектами по медиации / диалогу и проводит тренинги для зарубежных неправительственных организаций и правительственных учреждений, участвующих в развитии сотрудничества, гуманитарной помощи и миростроительстве. За 70 объёмных курсов по медиации Inmedio подготовил более 1000 профессиональных медиаторов.

Благодаря реализации собственных проектов, поддержке на местах, процессу обучения и консультирования Inmedio активно работает в последние годы в Непале, Шри-Ланке, на Южном Кавказе, в Украине, Египте, Эфиопии и других странах. Учредители и директора Inmedio Peace Consult, Любяна Вюстехубе и Дирк Сплинтер начинали свою профессиональную карьеру будучи организаторами немецко-советских молодежных программ по обмену в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Inmedio является членом Инициативной поддержки медиации, Германия, неофициальной сети, поддерживающей систематическое посредничество по внешней политике Германии на регулярной основе совместно с Министерством иностранных дел Германии.

Публикации, материалы для скачивания, видео и ссылки можно найти здесь: *www.inmedio-peace-consult.org*.

Институт права и публичной политики – независимая некоммерческая организация (Москва), являющаяся одним из ведущих российских неправительственных правовых центров, которая ведёт научно-исследовательскую, просветительскую и издательскую деятельность в области изучения и оценки конституционных и политических процессов с 1993 года, а также стратегическую судебную защиту в Конституиоцнном Суде России и Европейском Суде по правам человека. До 2000 года Институт входил в состав Московского общественного научного фонда как Центр конституционных исследований (Восточной и Центральной Европы). Регистрация Института права и публичной политики (24 июля 2000 года) стала важным шагом на пути к достижению последующей

цели и созданию «интеллектуального центра», объединяющего лучших российских и зарубежных конституционалистов, специалистов в области публичного права и экспертов в области административных, правовых и судебных реформ. В 2007 году Институт удостоен престижной международной Премии Макартуров новаторским и эффективным организациям. В 2014 году Институт награждён Гран-При Фонда Ельцина за научно-исследовательский проект «Двадцать лет демократического пути: становление конституционного порядка в России». С 2009 года Институт является членом Международной ассоциации конституционного права (МАКП). Институт издаёт два ведущих научных журнала, «*Сравнительное конституционное обозрение*» (с 1993 года) и «*Международное правосудие*» (с 2011 года).

Исполнители хотели бы выразить членам Консультативного совета благодарность за ценные рекомендации и поддержку идеи проекта:

— *Сабина Фишер (Sabine Fischer)*, Немецкий институт международных дел и вопросов безопасности, Берлин;

— *Регина Хеллер (Regina Heller)*, Институт исследований проблем мира и безопасности Университета Гамбурга;

— *Мартин Хоффман (Martin Hoffmann)*, Немецко-Российский форум, Берлин;

— *Вальтер Кауфманн (Walter Kaufmann)*, Фонд Генриха Бёлля, Берлин;

— *Рейнхард Крумм (Reinhard Krumm)*, Фонд Фридриха Эберта, Региональное бюро по сотрудничеству и миру в Европе, Вена;

— *Анна Севортян (Anna Sevortian)*, Гражданский Форум ЕС-Россия, Берлин;

— *Штефан Мелле (Stefan Melle)*, Немецко-русский обмен, Берлин.

Резюме

Конкурирующие, радикально расходящиеся друг с другом исторические нарративы эволюции европейской безопасности после 1989 года – ключевое препятствие для преодоления укоренившейся конфронтации между Россией и Западом и возвращения к дипломатии, диалогу и безопасности, основанной на сотрудничестве.

В настоящем докладе подведены итоги проекта «Германско-российский диалог», осуществлённого и разработанного двумя организациями "Inmedio Peace Consult GmbH" (Берлин) и Институтом права и публичной политики (Москва) при финансовой поддержке Федерального министерства иностранных дел Германии в рамках программы «Развитие взаимодействия с гражданским обществом в странах Восточного партнёрства и России». Используя формат медиации (посреднического диалога), двадцать экспертов из научного сообщества, аналитических центров и неправительственных организаций, а также журналисты и практики культурного обмена собирались на совместные встречи в Москве (сентябрь 2018 года), а затем в Берлине (ноябрь 2018 года) для совместного анализа и осмысления российского и западного нарратива о том, что «пошло не так» после окончания холодной войны и каковы причины ухудшения отношений России и Запада.

При реконструкции ключевых угроз российского и западного нарратива на метауровне удаётся выделить ряд коллективных «слепых пятен» – «интерпретационных лакун», играющих важную роль в нарративе одной из сторон, но недооценённых или вообще отсутствующих в нарративе другой[1]. Они могут служить «местом встречи» различных подходов и инструментом концентрации внимания на некоторых аспектах конфликтного нарратива, позволяя изменить точку зрения – осуществить попытку представить себя на месте другой стороны. Этот подход, особенно с учётом эмоциональной стороны дискуссии, представляется оптимальным – он сравнительно прост и открывает

[1] В англоязычной версии доклада используется понятие «blind spots» (буквально – «слепые пятна»). Оно расшифровывается как события, занимающие важную роль в нарративе одной из сторон, но недооценённые или вообще игнорируемые в нарративе другой. По существу, речь идёт о комбинации трёх параметров описания ситуации – упоминаемых нарративистом (рассказчиком) определённых фактов (событий), их встроенности в общий повествовательный контекст составителя нарратива и их конфликтной семантической интерпретации в конкурирующих нарративах. Под «фактами» в данном случае имеются в виду необязательно достоверные (то есть научно верифицируемые) данные, но прежде всего «факты сознания», отражающие психологическую убеждённость составителя нарратива в том, что они имели место. Данное понятие нельзя перевести однозначно как «слепые пятна» (то есть просто неизученные вопросы). В русскоязычной версии доклада поэтому мы используем как понятие «слепые пятна», так и понятие «интерпретационные лакуны», отсылающее одновременно к фактическим пробелам, когнитивным сбоям восприятия и конфликту интерпретации смысла событий вовлечёнными сторонами. – *Прим. ред*.

возможность диалога участников без риска поступиться собственными базовыми ценностями.

Обсуждая события на Украине в 2013–2014 годах, мы пришли к выводу, что обманчиво было бы говорить исключительно о «западном» и «российском» нарративах, поскольку приверженцы обоих существуют как в России, так и на Западе. Скорее, мы имеем дело с дихотомией двух нарративов: «Россия как агрессор» *vs.* «Россия как защитник». Помимо реконструкции этих нарративов, мы обращаем внимание на аспекты, которыми оба нарратива пренебрегают. Мы отдавали себе отчёт в том, что большинство из этих аспектов связаны с внутренней динамикой сторон конфликта, например: ограниченность рабочего времени институтов ЕС по внутренним причинам, концентрация общественного внимания в странах ЕС на деле Юлии Тимошенко на протяжении большей части 2013 года, региональная борьба за власть с участием местных политиков в Крыму, сложный (и тем самым непредсказуемый) состав протестующих на Евромайдане. Понимание как интерпретационных лакун, так и этих аспектов «нарратива внутренней динамики» позволяет найти способы взаимопонимания.

Методику посреднического диалога конкурирующих нарративов, применённую в данной работе, и ориентированный на будущее поиск «островов сотрудничества» следует рассматривать как разные, но дополняющие друг друга стратегии. В то время как первая естественным образом сосредоточена на прошлом, последняя определяет возможные небольшие шаги, которые можно сделать, не возвращаясь к «обычной манере поведения» и не углубляясь в обсуждение фундаментальных разногласий, характерных для прошлого. Обе стратегии сильно выиграют в эффективности, если их не смешивать. Хотя в настоящем докладе основное внимание уделено нарративному подходу, о некоторых островах сотрудничества специально идёт речь в части 1: это переговоры о визах, сотрудничество Европейского Союза (*далее* – ЕС) и Евразийского экономического союза (*далее* – ЕАЭС) и смягчение риска военного обострения.

В докладе рассматриваются характерные черты и преимущества подхода медиации – посреднического диалога. Работа с небольшой и постоянной группой на протяжении длительного времени (в отличие от традиционных мероприятий типа конференций) позволяет укрепить доверие на личном уровне: вместо обмена высказываниями это создаёт возможность стимулирования дискуссий при помощи таких методов, как переформулирование высказываний с целью увеличить ясность и взаимопонимание.

Резюме

Если мы не хотим забыть об ощущении положительного сдвига, в какой-то момент в будущем нам понадобится достичь ситуации, при которой о периоде с 1989 года до настоящего времени можно будет говорить, не обвиняя только одну сторону. Это не означает отрицания различий; речь о том, чтобы найти способ описывать и интерпретировать их в рамках метаперспективы. Стоит стремиться к этому уже сейчас и начать с осмысления и анализа конкурирующих нарративов.

Часть 1

Введение: что пошло не так после окончания холодной войны?

Украинский кризис знаменует важный поворотный пункт европейской истории. События в Крыму и на Донбассе после 2014 года бросают вызов системе европейской безопасности, сложившейся на заключительном этапе холодной войны в 1989–1990 годах. Спустя почти пять лет после начала конфликта война на территории Восточной Украины ещё продолжается. Однако у украинского кризиса куда более глубокие корни, и он является составной частью более широкой конфронтации между Россией и Западом. В частности, невозможно понять современный кризис – который иногда называют новой «холодной войной» – не рассмотрев внимательнее противоположные исторические нарративы, которых придерживаются широкие группы общественности в России и на Западе[2].

Как уже показано в докладе «Возврат к дипломатии», подготовленном группой видных деятелей ОБСЕ во главе с послом Вольфгангом Ишингером, у Запада и России совершенно разные взгляды на первопричины украинского кризиса и того, почему дух сотрудничества между Москвой и Западом, наиболее чётко проявившийся в исторической Парижской хартии КБСЕ[3] в ноябре 1990 года, в итоге сошёл на нет между 1990 и 2014 годами, и ему на смену пришла тенденция, которая от «холодного мира»[4] привела к «горячим войнам» в Грузии в 2008 году, а сейчас и на Украине.

Конкурирующие, радикально расходящиеся друг с другом исторические нарративы об эволюции европейской безопасности с 1989–1990 годов являются принципиальным препятствием для поиска выходов из текущей конфронтации между Россией и Западом и возвращения к дипломатии, диалогу и коллективной безопасности.

Зачем разговаривать о прошлом?

В целом имеются три общие стратегии разрешения этой проблемы. Первая – призыв к всеобъемлющим переговорам о новой системе безопасности, возвращению к существующей системе или, как это часто формулируется, к «новому Хельсинкскому совещанию». Однако такой подход заводит в тупик, поскольку, с западной точки зрения, сначала нужно разрешить украинский кризис, а с российской – Запад сперва должен признать новый статус Крыма. Кроме того, существует риск того, что подобный подход

---

[2] Само собой разумеется, что какого-либо монолитного «Запада» не существует. Очень нюансированный анализ нарративов см., например, в работе: *Wolfgang Zellner* (ed.). Security Narratives in Europe: A Wide Range of Views. Baden-Baden : Nomos, 2017.

[3] Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе, предшественник ОБСЕ.

[4] См.: речь Бориса Ельцина на саммите КБСЕ в Будапеште в декабре 1994 года.

Часть 1

приведёт к «большой сделке» между великими державами о статусе меньших государств. Возникает опасение «новой Ялты», особенно в восточноевропейских странах. Есть ощущение того, что Россия хочет гарантировать сферы влияния, а Запад настаивает на том, что этого не должно произойти.

В качестве реакции на такой тупик другая стратегия, которую часто называют «островами сотрудничества», стремится идентифицировать возможные области сотрудничества, концентрируясь на небольших шагах, которые можно сделать, не возвращаясь к «обычной манере поведения» на официальном уровне и не прерывая каналов связи, способствуя постепенному росту доверия и/или смягчая риск военной эскалации. При применении этого подхода стороны договариваются не говорить о прошлом, поскольку это быстро «отравит» атмосферу обсуждения или сведёт его на нет. Как сформулировала Целевая группа, созданная Российским советом по международным делам и Сетью европейских лидеров, в заявлении от июля 2018 года: «*Ни один принцип, лежащий в основе взаимоотношений, не остался ненарушенным. Доверие полностью подорвано. Сами члены Целевой группы придерживаются совершенно разных позиций по вопросу о виновных в этом. Для многих ответственность лежит исключительно на России и связана с её агрессией против Украины. Другие указывают, в частности, на расширение НАТО на восток как основной источник нестабильности. Но акцент на недоверии или обсуждение конкурирующих нарративов нисколько не способствует сокращению роста рисков. Нравится нам это или нет, но между НАТО и Россией будут и далее поддерживаться какие-то отношения. Если обеим сторонам приходится смягчать текущие угрозы военного противостояния, они должны преследовать общие цели разрешения кризиса, несмотря на глубокие разногласия между ними*»[5].

Однако существует и третья стратегия, для которой последнее предложение (из приведённой выше цитаты) неприемлемо. Если мы не хотим забыть об ощущении положительного сдвига, в какой-то момент в будущем нам понадобится достичь ситуации, при которой о периоде с 1989 года до настоящего времени можно будет говорить, не обвиняя только одну сторону. Это не означает отрицания различий; речь о том, чтобы найти способ описывать и интерпретировать их в рамках метаперспективы. Стоит готовиться к этому и уже сейчас начать с осмысления и анализа конкурирующих нарративов, пусть даже в условиях, когда переговоры на официальном уровне остаются за-

[5] Future of Greater Europe Task Force, "Towards a NATO-Russia Basic Understanding", 10 July 2018, RIAC. URL: http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/towards-a-nato-russia-basic-understanding/.

блокированными. Этот подход не следует считать альтернативой варианту поиска «островов сотрудничества». Напротив, необходимы оба подхода, и обе стратегии, как представляется, будут реализованы лучше, если их применять раздельно. Практически невозможно обсуждать конкретные меры, если в повестке дня остаётся спорное прошлое. И наоборот, (самокритичная) рефлексия по поводу нарративов не поможет, если нужно принимать решения о конкретных шагах.

Как правило, в эскалирующих межличностных и организационных конфликтах, где речь идёт о нарушении отношений и глубоком недоверии, общепринятой стратегией посредников является концентрация на том периоде времени, когда отношения начали постепенно разрушаться. Ведь даже если и нельзя «представить себя на месте другого» при уже достигнутом уровне эскалации, гораздо проще воссоздать взаимопонимание того, как всё *начало́* деградировать и как это негативное развитие событий (в ретроспективе) можно было бы предотвратить. Это не чисто теоретическое упражнение, а помощь в восстановлении доверия.

Конкурирующие нарративы: подлинное выражение мнений или стратегия манипулирования?

Время от времени утверждается, что нарративы определяются чьими-то интересами и, таким образом, стратегически *используются* правительствами с целью манипулирования собственным населением. Если это верно, то диалог о нарративах – это, в лучшем случае, пустая трата времени. Однако, хотя очевидно, что конфликтующие нарративы используются некоторыми участниками процесса в таком ключе, есть немало оснований полагать, что в то же время их *действительно* придерживается существенная часть общества, в том числе даже политические деятели и интеллектуальные элиты. Непосредственный диалог помогает выработать в этом плане более чёткую картину, как отмечено в докладе о более раннем диалоге экспертов: *«Особым преимуществом этой встречи было то, что у многих участников не было возможности взаимодействия с точкой зрения других из первых рук. Посредничество в личном обмене мнениями помогло выяснить, что российский и западный нарративы – не просто продукты официальной пропаганды, но часто отражают глубоко разделяемые убеждения, показывая хорошо разработанную интеллектуальную и правовую перспективы»*[6].

[6] *Frear T., Kulesa L.* (eds.). Competing Russian and Western Narratives on the European Order: Is There Common Ground? Conference report. London; Moscow : European Leadership Network/Russian International Affairs Council, 2016.

Часть 1

С учётом схожих проектов обсуждения исторических нарративов европейской безопасности[7] в этом германско-российском[8] проекте диалога, финансируемом Министерством иностранных дел Германии, применялся иной метод, нежели посредничество в конфликте. В проекте участвовали представители гражданского общества России и Германии, аналитических центров, научного сообщества, а также журналисты. Во время четырёхдневных рабочих экспертных заседаний в Москве (16–21 сентября 2018) и в Берлине (12–15 ноября 2018), двадцать участников сравнили два конкурирующих мейнстримных исторических нарратива в России и на Западе и обнаружили коллективные «слепые пятна» – события, играющие важную роль в нарративе одной из сторон, но недооценённые или вообще отсутствующие в нарративе другой.

Результаты, представленные в настоящем аналитическом докладе, являются прямым следствием процесса диалога, который модерировался при помощи «посреднического подхода» («mediative approach»). Разумеется, диалог между конфликтующими сторонами является самостоятельной ценностью – хотя бы во имя деэскалации. Таким образом, благодаря особой методологии, близкой к медиации (см. часть 2), рабочее экспертное заседание вышло за рамки обычного диалога и привело в известной степени к взаимопониманию, которое позволило совместно разработать итоговый документ. Именно посреднический подход, основанный, в частности, на взаимном развитии доверия и интенсивном общении, помог направить динамику группового обсуждения экспертов в сторону творческой и продуктивной процедуры, благодаря которой были обнаружены коллективные «слепые пятна».

Концентрируясь на этих интерпретационных лакунах, проведенный германско-российский диалог сделал возможной конструктивную дискуссию о нарративах без стремления возложить всю вину за негативные тенденции после окончания холодной войны исключительно на другую сторону. Участники диалога, скорее, стремились лучше осоз-

---

[7] См. *Sakwa R.* Russia against the West: The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge : Cambridge University Press, 2017; *Nünlist Ch. et al*. The Road to the Charter of Paris: Historical Narratives and Lessons for the OSCE. Vienna : OSCE, 2017; *Zellner W.* (ed.) Security Narratives in Europe: A Wide Range of Views. Baden-Baden : Nomos, 2017.

[8] Кажется непоследовательным, хотя это и сделано вполне сознательно, что германо-российская группа обсуждает отношения России с Западом (а не с Германией). Конечно, Германия не представляет весь «Запад». Однако мы выбрали двусторонний формат дискуссии, во-первых, для того, чтобы в группе были представлены разнообразные точки зрения из каждой страны и, во-вторых, потому, что концентрация внимания только на германо-российских отношениях означала бы отказ от обсуждения позиций других, наиболее важных (с российской точки зрения) участников (США и НАТО) и усилила бы существующее подозрение в том, что между Германией и Россией создаются особые отношения.

нать другую перспективу и развить «историческую эмпатию»[9]. Целью обоих рабочих совещаний была не разработка общего нарратива или убеждение другой стороны разделить конкурирующий нарратив, а, скорее, введение большего числа нюансов и исторического контекста во всё более накалённые и политизированные дебаты вокруг исторического процесса, ведущего от сотрудничества к конфронтации. В отыскании коллективных «слепых пятен» нет ничего случайного и, конечно, если каждая сторона, будь то Запад или Россия, останется в рамках собственного специфического нарратива, то выявить эти «пятна» не получится. Следовательно, обнаружение коллективных «слепых пятен» зависит от конкретного метода. «Слепые пятна» (интерпретационные лакуны) возникают, когда противоположные основные нарративы читаются параллельно и сравниваются друг с другом (также см. таблицу на с. 33). Эта логика принята и в настоящем докладе. Во-первых, в нём будут очерчены основные нарративы, доминирующие в настоящее время среди широкой общественности в России и на Западе. На основании сравнения этих нарративов как в России, так и на Западе идентифицируются так называемые «слепые пятна». Наконец, в докладе обозначены ключевые выводы, следующие из проекта, и предварительно намечены способы избегать интерпретационных лакун в будущем.

[9] Об «исторической эмпатии» см. *Nünlist et al.* Road to the Charter of Paris. P. 31; *O. L. Davis Jr. et al.* (eds.). Historical Empathy and Perspective Taking in the Social Studies. Lanham : Rowman & Littlefield, 2001.

Часть 1

Конкурирующие нарративы

Основной российский нарратив отношений России с Западом: как строится хронология?

Если мы обратимся к стратегическим документам[10], официальным заявлениям ключевых российских политиков[11] и аналитическим отчётам «мозговых центров», близких Кремлю[12], то увидим, что основной нарратив отношений с Западом базируется на двух главных сюжетах. Первый из них – *разочарование в западных партнёрах*; второй – *отказ заинтересованных сторон на Западе воспринимать Россию как равного партнёра*. Ключевые события в хронологии отношений России с Западом подчёркиваются в соответствии с этими двумя темами. Разместив «ключевые точки», упомянутые в указанных источниках, в хронологическом порядке, мы получаем следующую последовательность: (1) представление распада СССР на Западе как победы; (2) война в Югославии и военное вмешательство НАТО в обход Совета Безопасности ООН; (3) расширение НАТО на восток в 2004 году; (4) «цветные революции» в странах СНГ; (5) препятствия российскому бизнесу на Западе (в основном связанные с политизацией энергетического вопроса в ЕС и неудачными попытками России инвестировать в западные компании); (6) российско-грузинский конфликт; (7) Ливия и «арабская весна»[13].

(1) Как уже говорили, интересующий нас нарратив строится на допущении, что западные державы **не желали диалога на равных**. В рассмотренных источниках этот аргумент применяется даже к периодам максимальной открытости России к сотрудничеству с Западом. Сюда входит начало 1990-х годов, 2001 год (после терактов 11 сентября) и 2009–2011 годы («перезагрузка» отношений с Россией). Когда речь идёт о распаде СССР и начале 1990-х годов, российские политики и эксперты часто отмечают, что Запад изначально рассматривал Россию как «побеждённую» страну. Они утверждают, что коллективный Запад требовал от России полностью принять правила игры «побе-

---

[10] О Национальной стратегии безопасности Российской Федерации до 2020 года см.: URL: https://www.prlib.ru/en/node/353849; Концепция внешней политики Российской Федерации: URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186.

[11] Мюнхенская речь Владимира Путина (2007); *Владимир Путин*. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 2012.

[12] *Karaganov S. et al*. (2011) The U.S. – Russia Relations after the «Reset»: Building a New Agenda. A View from Russia; *Miller A., Lukyanov F*. (2016): Detachment Instead of Confrontation: Post-European Russia in Search of Self-Sufficiency; *Miller A., Lukyanov F*. (2017): Restraint Instead of Assertiveness. Russia and a New Era in World Politics; Valdai Club's Report: The European Union's Uncertain Future: What Should Russia Do? (2017).

[13] Важно отметить, что чеченская кампания считается внутренним делом России и в этих источниках не упоминается.

дителя», но в то же время не создал реальных возможностей для интеграции России в международную систему безопасности[14].

(2) Следующий ключевой эпизод нарратива об изменении российского отношения к Западу – это **война в Югославии и особенно бомбардировка Белграда** в 1999 году[15]. Это событие описывается как нарушение всех норм международного права, подрыв основ ООН. С точки зрения российского политического мейнстрима, позиция России была в тот момент де-факто проигнорирована, поскольку Россия воспринималась как слабый игрок на международной арене. Согласно преобладающему нарративу, это объясняет существенную утрату доверия к Западу, наблюдавшуюся в российском истеблишменте и обществе.

(3) Общее место в российском политическом дискурсе – утверждение, согласно которому попытка улучшить отношения в связи с терактами 11 сентября также была неудачной. Ухудшение российско-американских отношений связывается с военной кампанией в Ираке, обходом Совета Безопасности ООН в 2003 году и расширением НАТО на восток в 2004 году. **Расширение НАТО** воспринимается российским политическим мейнстримом как нарушение соглашений начала 1990-х годов, с одной стороны, и угроза безопасности России в регионе СНГ, с другой стороны. Схожая критика впоследствии будет сопровождать развертывание системы противоракетной обороны США в Европе. В российских источниках это событие квалифицируется как возобновление гонки вооружений.

(4) Вследствие **«цветных революций»** в Грузии (2003), на Украине (2004) и в Киргизии (2005), а затем и «арабской весны», которая интерпретируется схожим образом, в российской политической риторике появилась **сакрализация государственного суверенитета**, а также эксплицитная враждебность по отношению к иностранным НПО[16]. Важно отметить, что, начиная с Мюнхенской речи Путина в 2007 году, основной нарратив часто постулирует не только необходимость перехода к многополярности, но и уменьшение роли ЕС как приоритетного партнёра России. Образ единой Европы часто изображается в негативном контексте, а способность ЕС к независимой внешней политике всё

---

[14] См.: *Miller A., Lukyanov F.* (2016): Detachment Instead of Confrontation: Post-European Russia in Search of Self-Sufficiency. P. 4. URL: https://www.kreisky-forum.org/dataall/Report_Post-EuropeanRussia.pdf.

[15] Ibid. P. 20.

[16] Мюнхенская речь Владимира Путина (2007); *Владимир Путин*. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 2012; См. также: URL: https://www.ft.com/content/6b79c31a-14fb-11e5-9509-00144feabdc0.

Часть 1

чаще ставится под вопрос[17]. В то же время США изображаются как государство, всё более непредсказуемое и угрожающее глобальной безопасности. Здесь основная критика строится вокруг нарушения существующего международного права из-за односторонних действий США, призванных распространять демократию.

(5) Экономический аспект нарратива связан с **утратой возможности инвестиций** для российских компаний и ухудшением поставок углеводородов в Европу. Российские источники интерпретируют это как последовательную трансформацию экономических вопросов в политический инструмент с целью сдерживания России[18]. Сюда также входят неудачные сделки, связанные с покупкой пакета акций Opel, инвестициями в Airbus, Arcelor и др., которые, согласно основному нарративу, показывают, что рынок технологий по-прежнему закрыт для Российской Федерации.

(6) **Российско-грузинский конфликт** представляется мейнстримом как оборонительные действия России, вызванные, среди прочего, чрезмерным вмешательством западных держав в постсоветские дела. В этом смысле «российская перезагрузка», происходившая в 2009–2011 годах, вызвала у некоторых российских официальных лиц иллюзию того, что наступательные действия могут на самом деле оказаться эффективными. Важно заметить, что даже во время «российской перезагрузки» в 2010–2011 годах ни одна из сторон не предложила нового видения общих целей. Акцент делался на старых форматах сотрудничества, во многих аспектах унаследованных от биполярной системы. Таким образом, даже в 2010–2011 годах «перезагрузка» воспринималась российской стороной больше как временная отсрочка, чем как реальная возможность изменить суть российско-американских отношений.

(7) В тот момент, когда Совет безопасности ООН поддержал **интервенцию в Ливии**, Владимир Путин, бывший тогда во главе правительства, заявлял, что Россия ответит на это усилением обороны. Кроме того, он поставил ливийский прецедент в один ряд с западными военными интервенциями в Югославии, Ираке и Афганистане[19]. В результате «арабской весны» началась новая кампания критики западных государств. Основ-

---

[17] *Miller A., Lukyanov F.* (2017): Restraint Instead of Assertiveness. Russia and a New Era in World Politics; Valdai Club's Report: The European Union's Uncertain Future: What Should Russia Do? (2017).

[18] Мюнхенская речь Владимира Путина (2007); *Владимир Путин*. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 2012; *Miller A., Lukyanov F.* (2016): Detachment Instead of Confrontation: Post-European Russia in Search of Self-Sufficiency. P. 20.

[19] *Gorst I., Buckley N.* (2011) Medvedev and Putin clash over Libya, Financial Times, 21.03.2011. URL: https://www.ft.com/content/2e62b08e-53d2-11e0-a01c-00144feab49a.

ной ценностью международной политики, согласно российской внешнеполитической доктрине, должно быть не распространение демократии, а соблюдение суверенитета[20]. В то же время право защищать национальные интересы России на постсоветском пространстве воспринимается как само собой разумеющееся, а логическое противоречие этого с предыдущим тезисом не осознаётся[21].

Судя по описаниям этих событий в различных официальных документах и экспертных докладах, очевидно, что конфронтация с коллективным Западом, вызванная российско-украинским конфликтом 2014 года, не воспринимается российской стороной как нечто неожиданное. Более того, западная позиция по отношению к России рассматривается если и не как монолитная, то как по большей части диктуемая интересами США. Как правило, этот нарратив возлагает на США основную вину за игнорирование России в качестве равного партнёра; это игнорирование считается демонстрацией превосходства США как «победителя» в холодной войне[22]. Кроме того, российское руководство не признаёт собственной роли в эскалации противостояния[23].

Основной нарратив устраняет главный камень преткновения, утверждая, что расширение евроатлантического сообщества на восток является нарушением соглашений, достигнутых в конце холодной войны. Российский истеблишмент глубоко оскорблён тем фактом, что все предложения европейской системы безопасности, поданные Россией, будь то альтернативное решение проблемы развёртывания системы противоракетной обороны в Европе или предложение президента Дмитрия Медведева в 2008 году по договору по безопасности в Европе, высокомерно отвергались. Следует заметить, что российский основной нарратив представляет евроатлантическое сообщество как ревизионистскую силу[24], вмешивающуюся в сферу предпочтительных интересов России. Поскольку российская внешняя политика после 2014 года также рассматривается западными элитами как форма ревизионизма, можно говорить о взаимных обвинениях.

---

[20] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года; Концепция внешней политики Российской Федерации.

[21] *Путин В*. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012.

[22] См.: *Zagorski A.* (2017) "Russian Narratives: Preliminary remarks" in Security Narratives in Europe: A Wide Range of Views / ed. by Wolfgang Zellner. Baden-Baden : Nomos. P. 103.

[23] См.: *Putin V*. (2016) "Vladimir Putin's annual news conference". December 23. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/53573, cit. by *Zagorski A*. Op. cit. P. 103.

[24] *Zagorski A*. Op. cit. P. 7.

Часть 1

Однако здесь речь идёт о двух разных типах ревизионизма. Если Россия обвиняется в ревизионизме в связи с отступлениями от международного права, то российское руководство рассматривает Запад как нарушителя статус-кво с «геополитической» точки зрения.

Западный основной нарратив эволюции европейской безопасности в 1989–2014 годах

Западный основной нарратив эволюции европейской безопасности в период с 1989 по 2014 год подчёркивает дистанцирование России от общей позиции Парижской хартии, принятой в ноябре 1990 года[25]. Здесь следует обозначить два важных предварительных замечания. Во-первых, следует отметить, что Россия и отношения России с Западом ещё не имели абсолютного приоритета в западных столицах до начала 2007 года, в отличие от значимости Запада для России в это же время. В 1990-е годы стабилизация Центральной и Восточной Европы и окончание балканских войн были в основе американской повестки дня, а начиная с 2001 года война с Аль-Каидой и джихадистским терроризмом привлекла большую часть внимания западной общественности. Только начиная с речи Путина на Мюнхенском форуме по безопасности в феврале 2007 года широкие круги общественности на Западе узнали, что уже давно Россия – не просто «несколько сложный партнёр», но что она сильно отмежевалась от Запада. В ретроспективе оказывается, что февраль 2007 года стал отправной точкой процесса отчуждения, который привёл к появлению образа России как враждебной страны и в конечном счёте вновь сделал картину «холодной войны» вполне представимой. Во-вторых, понятие «западного основного нарратива» может ввести в заблуждение, потому что оно очень упрощено: далее будет изложен трансатлантический нарратив, поскольку он преобладает в США и в таких странах, как Великобритания, Швеция, Польша и Эстония. Однако, как показали недавние исследования[26], нарративы в Германии, Франции, Италии и Австрии более разнообразны и весьма сильно отличаются от этого трансатлантического западного мейнстримного нарратива.

---

[25] См., например, *Ischinger W*. Back to Diplomacy. Vienna : OSCE, 2015. P. 21–24; *Frear Th. and Kulesa L*. (eds.) Competing Western and Russian Narratives on the European Order: Is There Common Ground? London : ELN, 2016. Мейнстримовую западную (транслатлантическую) позицию, например, см.: *McFaul M*. From Cold War to Hot Peace. Boston : Houghton Mifflin, 2018; *Applebaum A*. The Myth of Russian Humiliation, in: Washington Post. 17 October 2014.

[26] *Zellner W. et al*. European Security: Challenges at the Societal Level. Vienna : OSCE, 2016; *Zellner W*. (ed.) Security Narratives in Europe: A Wide Range of Views. Baden-Baden : Nomos, 2017.

Западный мейнстримный нарратив (трансатлантический вариант), проще говоря, отражает следующие **одиннадцать ключевых моментов** до вспышки украинского кризиса в 2014 году[27]:

(1) «Крушение коммунизма… было не победой Запада, а **победой свободы и демократии**». Многочисленные страны «теперь свободны определять своё будущее»[28]. В духе тезиса Фукуямы о «конце истории» была надежда, что Советский Союз, а затем и Россия также станут частью новой «единой и свободной» Европы.

(2) Внутренние политические события России 1990-х годов по-прежнему рассматриваются относительно благоприятно, поскольку Ельцин считался важным партнёром Запада. На фоне результатов парламентских выборов 1993 года, когда много голосов получили правые популисты и коммунисты, Ельцин рассматривался как маяк стабильности, и его следовало поддерживать.

(3) Первая трещина в положительном образе России в глазах Запада появилась в ходе первой **Чеченской войны** с 1994 по 1996 год, особенно после артиллерийского обстрела и авианалётов на Грозный накануне нового 1995 года, что привело к серьёзным военным преступлениям и нарушениям прав человека с обеих сторон.

(4) Российская **поддержка сербского лидера Слободана Милошевича** в балканских войнах, ссылающаяся на этнически-религиозные и исторические связи, была встречена на Западе с неудовольствием. Тем не менее после мирных переговоров в Дейтоне и Рамбуйе Запад пытался привлечь Россию в качестве партнёра – участника в будущих международных силах поддержания мира (англ.: *IFOR* / *SFOR*), что рассматривалось как образец для будущего стратегического партнёрства.

(5) Расширение НАТО в 1997 году имело целью стабилизацию бывших государств – членов Варшавского договора в Центральной и Восточной Европе, произошло по их желанию в соответствии с хельсинкским принципом свободного выбора альянсов и сопровождалось стратегическим партнёрством НАТО и России. Расширение НАТО на восток не было направлено против России.

---

[27] Эти пункты сформулированы очень подчеркнуто (как нарративы в докладе «Вернуться к дипломатии», см. выше), в то время как основной российский нарратив в нашем докладе изложен в отстранённом и описательном ключе. Это связано исключительно с тем, что подготовка текста происходила в разных подгруппах, и не имеет иного значения.

[28] Ischinger 2017, см. выше.

Часть 1

(6) После вступления Путина в должность международное внимание привлекли такие случаи, как политически мотивированный арест олигарха и руководителя компании «Юкос» Михаила **Ходорковского** в октябре 2003 года, отравление диоксином кандидата в президенты (впоследствии президента) Украины Виктора **Ющенко** (2004), убийство правозащитницы, критика Кремля и журналистки Анны **Политковской** в октябре 2006 года и подобные дела. Если считать, что российское правительство в этом по крайней мере косвенно соучаствовало, то это служит доказательством обесценивания демократических / гуманитарных ценностей.

(7) «Цветные революции» в Грузии (2003), на Украине (2004) и в Киргизии (2005) представляли собой легитимные движения гражданского общества, протестующего против фальсификаций на выборах и коррумпированных элит. Они привели к мирной смене власти.

(8) Речь Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года удивила многих на Западе и привела к переоценке России как партнёра.

(9) Несмотря на широкий консенсус, согласно которому военное наступление начала Грузия, Россия косвенно развязала войну в Грузии в августе 2008 года путём осознанной провокации. Российская агрессия характеризовалась непропорциональным использованием военной силы большой страны против маленькой страны.

(10) После **фальсификации выборов** в Государственную Думу в декабре 2011 года россияне протестовали против предстоявшего возвращения Путина в президентское кресло. Эта российская «цветная революция» вызвала широкий резонанс по всей России, не только среди горожан и студентов. Она была жестоко подавлена Путиным.

(11) Российские действия в ходе **украинского кризиса** продемонстрировали ревизионистскую и экспансионистскую внешнеполитическую повестку, и сдерживать их можно, лишь наращивая меры устрашения. Путин стратегически использовал нарратив унижения и «отказа Запада воспринимать нас всерьёз», разыграв карту антизападной пропаганды, чтобы заставить россиян сплотиться.

Часть 1

Российско-западные «слепые пятна»

Сравнение двух нарративов позволяет идентифицировать «слепые пятна» (интерпретационные лакуны), то есть события, играющие важную роль в нарративе одной из сторон, но недооценённые или вообще отсутствующие в нарративе другой.

Иными словами, *во-первых*, «слепые пятна» возникают на базе основных нарративов, преобладающих в наше время на Западе и в России. Авторам очевидно, что эксперты по истории отношений России с Западом необязательно считают их «интерпретационными лакунами», поскольку они могут быть вполне знакомы с этими фактами и тем, что они недооцениваются той или иной стороной. *Во-вторых*, коллективные «слепые пятна» отсылают к основным современным нарративам на Западе и в России. Не исключено, что события, недооценённые или отсутствующие в нарративе сейчас, были важны и известны в прошлом, когда они происходили. Категоризация того или иного случая как коллективной интерпретационной лакуны, таким образом, не зависит от того, рассматривается ли данный вопрос корректно в исторической перспективе. Коллективные интерпретационные лакуны могут также представлять вопросы, которые явным образом некогда были частью коллективной памяти другой страны, но сейчас имеют тенденцию забываться.

«Слепые пятна» могут быть исходной точкой для лучшего понимания и для попыток сократить взаимное непонимание и отчуждение. В следующем разделе мы подчеркнём и опишем некоторые из «интерпретационных лакун», хотя и с оговоркой, что могут существовать и другие, потенциальные интерпретационные лакуны, ещё не обнаруженные на нашем рабочем совещании, но способные стать очевидными при параллельном чтении российского и западного основных нарративов.

«Слепые пятна», представленные в этой главе, были выделены в процессе диалога, основанного на опыте и экспертном уровне группы. Однако их следует рассматривать как предварительные данные. Необходимо дальнейшее исследование, основанное на таких существующих данных, как опросы общественного мнения, ключевые документы и анализ медиа, для того чтобы решить, действительно ли они образуют коллективные интерпретационные лакуны.

«Слепые пятна» в российском основном нарративе

Сравнивая два основных нарратива, мы выделили ряд интерпретационных лакун в версии российской стороны (см. рисунок на с. 24–25).

«Слепые пятна»	ЗАПАД Основной нарратив	Время	РОССИЯ Основной нарратив	«Слепые пятна»
	Окончание холодной войны было победой демократии и свободы	1989		
Ощущение, что это было непростое решение руководства СССР, за которое впоследствии российскому народу пришлось заплатить большую цену (в основном экономическую), и он заслуживал большего взамен		1990	Запад обращался с Россией как со страной, «потерпевшей поражение». Россия не была признана как равный партнер.	
	Внутренние политические события в России рассматриваются относительно благоприятно, поскольку Ельцин считается важным партнером	1991		
		1992		Степень отрицательного восприятия чеченской войны на Западе недооценивается в России
Конституционный кризис и использование военной силы против парламента пошатнули доверие демократии для значительной части населения России		1993		
	Положительный имидж России портится после чеченских войн	1994		
Отрицательные последствия экономической «шоковой терапии», поддержанной Западом, вызвало сильное недоверие к западным либеральным и демократическим ценностям		1995	Запад держит рынок технологий закрытым для России	Преобразование НАТО из военно-оборонного альянса в организацию для «заморских» миссий игнорируется
	Российская поддержка сербского лидера Милошевича встречена с неудовольствием	1996		
Для разочарования были причины. Недовольство России сложившимся после Холодной войны порядком началось в начале 1990-х годов	Расширение НАТО служило целям стабильности бывших стран Варшавского договора и не было направлено против России – в частности, поскольку НАТО было в это время организацией, в основном занимавшейся «заморскими» операциями.	1997	Планы расширения НАТО нарушают соглашения, достигнутые в начале 1990-х годов	После 1990 года не было последовательной повестки действий
		1998	Натовские бомбежки Белграда игнорируют позицию России и подрывают авторитет ООН	Западное вмешательство в югославские войны, особенно в косовскую войну в 1999 году, определялось прежде всего соображениями, не имевшими отношения к России
		1999		
В основном западном нарративе недооценивается важная роль для России войн на Западных Балканах и сильный резонанс этих вопросов в российской внешней политике		2000	На российское сотрудничество после терактов 11 сентября не было адекватного ответа. Террористическая угроза в России игнорируется Западом	
		2001		

Активная и готовая к сотрудничеству позиция России в войне с терроризмом не представлена в западном основном нарративе

Арест руководителя Юкоса Ходорковского, а затем дело Политковской привели к ухудшению отношений России и Запада

2002

Интервенция в Ираке в обход Совета Безопасности ООН

Дела Ходорковского и Политковской были очень важны для Запада

2003

2004

«Цветные революции» 2003, 2004 и 2005 годов были легитимными движениями гражданского общества

«Цветные революции» – западный заговор с целью заполучить влияние близ российских границ

2005

Геополитические соображения (такие, как расширение западного влияния в постсоветском пространстве) были нерелевантны для западного общественного мнения в связи с «цветными революциями»

2006

Речь Путина на Мюнхенской конференции по безопасности вызвала большое удивление и привела к переоценке России

Российско-грузинский конфликт – отчасти оборонительная реакция на излишнее вмешательство Запада в постсоветском пространстве

2007

Это предложение могло быть несовершенным. Однако равнодушная реакция Запада подтвердила ощущение, что он не собирается участвовать в содержательных обсуждениях

2008

Российско-грузинская война была спровоцирована Россией, непропорционально использовавшей военную силу

Предложение европейского договора о безопасности высокомерно отвергнуто Западом

2009

Западный публичный мейнстримный дискурс недооценивает, как важен этот сюжет с российской перспективы и как неубедительны заверения, что этот процесс не направлен против России

Планы США в области стратегической ПРО означают начало новой гонки вооружений

2010

2011

Выборы в Думу и протесты против Путина рассматривались как российская «цветная революция», жестоко подавленная Путиным

«Арабская весна» провоцирует критику Запада за неуважение суверенитета

2012

Восприятие «арабской весны» как еще одной «цветной революции» в российском нарративе недооценивается на Западе

2013

Российские действия в ходе украинского кризиса показали ревизионистскую и экспансионистскую повестку российской внешней политики, которую можно было сдерживать только путем наращивания мер устрашения

Россия не использует своё право вето в Совете Безопасности ООН в связи с интервенцией в Ливии; однако эта интервенция используется неправильно, для смены режима

2014

События в Украине и Крыму существенно усилили страхи перед «новой Ялтой» в восточноевропейских странах

Часть 1

Во-первых, чеченские войны (начавшиеся в 1994 году) значили для Запада гораздо больше, чем это сейчас признаётся в России. Чеченские войны вызвали на Западе оживлённые дискуссии[29] и породили критический взгляд на внешнюю политику Москвы. Поскольку чеченские войны в российском нарративе описываются как военные кампании, очевидно относящиеся ко внутренним делам, сущность дискуссий, происходящих на Западе, часто остаётся непонятой (в России).

Во-вторых, в середине 1990-х годов НАТО преобразовывалась из военного оборонительного альянса, противостоящего Организации Варшавского договора, в организацию разрешения кризисов, занимающуюся прежде всего угрозами за пределами её традиционной территориальной сферы влияния. «Заморские» операции сыграли ключевую роль в самоощущении НАТО того времени и глубоко изменили мандат и сущность Альянса, особенно после начала войны в Афганистане в 2001 году[30]. Российский основной нарратив, как кажется, не учитывает сущность и глубину трансформации НАТО. Можно отчасти интерпретировать это как трагическое само-реализовавшееся пророчество: Россия действовала на основе традиционной парадигмы («НАТО против нас»), пока в каком-то смысле НАТО действительно к ней не вернулась. Например, когда в 2004 году в НАТО вступили государства Балтии, оборонные планы НАТО долгие годы не менялись, поскольку Россия тогда рассматривалась не как антагонист, а как стратегический партнёр. Разработчики военных планов НАТО всерьёз отнеслись к защите стран Балтии только после российско-грузинской войны 2008 года[31].

В-третьих, войны в бывшей Югославии, особенно в конце 1990-х (Косовская война 1999 года), рассматривались Западом как переплетение нескольких реальных процессов, источником которых был, прежде всего, сам западнобалканский регион. С точки зрения Запада, роль России в этом регионе, например поддержка Сербии, традиционного сторонника России, сыграла небольшую роль (или вовсе никакой) во вмешательстве Запада в этом регионе. То, что западная дискуссия вокруг югославских войн прежде всего касается соображений, не связанных с Россией, как кажется, – интерпретационная лакуна основного российского нарратива.

---

[29] См.: *Hill W. H*. No place for Russia. European Security Institutions since 1989. Columbia University Press, 2018. P. 126.

[30] См.: Новую стратегическую концепцию НАТО, принятую на Римском саммите в ноябре 1991 года. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm.

[31] См.: *Kramer M*. Russia, the Baltic Region, and the Challenge for NATO // PONARS Eurasia Policy Memo, no. 267. 2013. P. 5. Пересмотренный план военных действий на случай непредвиденных обстоятельств – «Орёл-хранитель» – был принят только в январе 2010 года, и только после этого балтийские государства обрели веру в возможность практической реализации статьи 5.

В-четвёртых, российский основной нарратив, как кажется, пренебрегает значимостью того факта, насколько сильный резонанс в западной дискуссии имели дело главы «Юкоса» Михаила Ходорковского, убийство журналистки Анны Политковской и отравление кандидата в президенты Украины Ющенко (см. выше). Для многих на Западе эти события по-прежнему продолжают определять образ России.

В-пятых, с западной точки зрения, «цветные революции» в странах Восточной Европы – «революция роз» в Грузии в 2003 году, «оранжевая революция» на Украине в 2004 году и «тюльпановая революция» в Киргизии в 2005 году – рассматриваются как аутентичная динамика, описываемая прежде всего как народные кампании за свободу, справедливость и демократию. Использование этих событий как возможность осуществления влияния в регионе и усиления западного контроля на постсоветском пространстве играет в лучшем случае незначительную роль в западной общественной дискуссии. Кажется, что западное отношение к «цветным революциям» сформулировано иначе, чем в российском нарративе.

В-шестых, в основном российском нарративе существует общая тенденция рассматривать Запад как более или менее единого игрока, стратегия которого, в общем, несложна, а способ действия единообразен. Однако, как показало недавнее исследование, западный взгляд на Россию относительно сложен и характеризуется различными перспективами, которые в западных странах неодинаковы[32]. Кроме того, архивный материал показывает, что *«…отчуждение России от системы безопасности остальной Европы с 1990 по 2013 год [следует рассматривать] как процесс, произошедший из-за ошибок и непредусмотренных побочных эффектов решений, принятых обеими сторонами с благими намерениями, а не как скрытый генеральный план США навредить России»*[33]. Например, переключение администрации Клинтона на проблему экспансии НАТО основывалось на сложном переплетении факторов, которые необязательно были направлены «против России»[34]. То, что лица, определяющие политику Запада,

---

[32] *Zellner W*. 2017. Op. cit.

[33] *Nünlist Ch. et. al*. 2017. Op. cit. P. 33.

[34] На первых свободных парламентских выборах в России в декабре 1993 года победили правые популисты и коммунисты, в то время как либеральные и демократические силы получили только 15 % голосов, ставя тем самым под сомнение образ демократической и мирной России. Далее, поддержка Россией президента Сербии Слободана Милошевича увеличила опасения нестабильности в Европе и придала новые аргументы сторонникам расширения НАТО на восток. Определённую роль сыграли и внутренние политические факторы в США (в частности, республиканская кампания на выборах в Конгресс в 1994 году во время срока Клинтона и лоббирование восточноевропейцев в США).

Часть 1

менялись на протяжении этого времени, например в политике США по отношению к России были различные перезагрузки и циклы, дополнительно поддерживает точку зрения, согласно которой последовательная повестка отсутствовала[35].

Наконец, страх восточноевропейских постсоветских стран перед «новой Ялтой», то есть соглашениями между великими державами, заключёнными без их участия и за их счёт, как кажется, представлен в российском нарративе более чем недостаточно.

«Слепые пятна» в западном основном нарративе

Во-первых, в России, как правило, считается, что Запад рассматривает окончание холодной войны как свою победу, а не как мучительное решение СССР. Ряд обстоятельств – что могли пройти свободные выборы, что некоммунистические правительства были избраны во многих западноевропейских странах, причём СССР не применял насилия (в отличие от ситуации в Венгрии в 1956 году, в Праге в 1968 году и т. д.), и что советское руководство согласилось на воссоединение Германии в рамках НАТО – все они интерпретируются как (слишком) существенные уступки, за которые России, являющейся формальным правопреемником Советского Союза, пришлось заплатить большую цену (прежде всего в виде смуты переходного периода) и за которые она заслуживала большего взамен.

Во-вторых, несмотря на то что якобы нарушенное обещание НАТО «не расширяться ни на дюйм на запад» после объединения Германии, было лишь устным, необязательным заявлением и отсылало только к территории бывшей ГДР, Россия права, что воспринимает это как нарушение *духа* договорённостей. Уже к апрелю 1990 года было принято решение отказаться от «варианта СБСЕ» – идеи панъевропейской безопасности, основанной на СБСЕ (впоследствии ОБСЕ)[36]. Устные обещания включить Россию в эту панъевропейскую структуру, разработка которой должна была вестись вместе с Россией, не были выполнены. Впоследствии, при Билле Клинтоне, США отказались от обещания, которое было дано Борису Ельцину в октябре 1993 года и предусматривало «партнёрство с НАТО для всех» (включая Россию), а не «членство в НАТО для немногих» (то есть

[35] С этой точки зрения Чарап и Колтон описывают идеологию 1989–1990 годов как *quid pro quo* («услуга за услугу»): «По правде говоря, политики, впоследствии решившие расширить НАТО, не думали, что идея "услуга за услугу" когда-либо существовала» (*Charap S., Colton T.* Everyone loses. The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia. 2017. London : Routledge. P. 37).

[36] *Nünlist Ch. et. al.* (2017) Op. cit.

для Польши, Венгрии и Чехии)[37]. Неспособность признать недовольство России отношениями, сложившимися после холодной войны, следует рассматривать как «слепое пятно» Запада: «*Западные державы ошибочно приняли неспособность Москвы помешать порядку, сложившемуся после холодной войны, за его поддержку*»[38]. Для большей части западной общественности первым знаком разочарования России от непризнания её в качестве равноправного партнёра стала именно Мюнхенская речь Путина в феврале 2007 года.

В-третьих, начиная с президентства Ельцина, «экономическая шоковая терапия», внедрявшаяся в спешке при активной поддержке Запада, имела катастрофические последствия для населения; резко вырос уровень бедности, и сократилась ожидаемая продолжительность жизни. В России очень глубоко укоренилось чувство разочарования и унижения, поскольку она была инициатором окончания холодной войны, обратилась к демократии и доверяла Западу в попытке выстроить свободную рыночную экономику. В западном нарративе недооценивается, что данный фактор был воспринят как неудача либеральных ценностей в целом, включая демократические. Эти чувства оживают, когда иностранцы критикуют недостаток демократии и нарушения прав человека; возникает ощущение, что представители Запада относятся к России высокомерно с позиции «более нравственных людей», не учитывая социально-экономический контекст.

В-четвёртых, конституционный кризис и использование военной силы при артиллерийском обстреле российского парламента в 1993 году по приказу президента Ельцина пошатнули доверие к демократии у значительной части населения России. Этот факт в основном западном нарративе практически неизвестен. Сильнейшая западная поддержка кампании по переизбранию Ельцина на второй срок в 1996 году (пусть даже во имя стабильности) ретроспективно вызывает ощущение лицемерия, когда Запад защищает демократию.

---

[37] Интересно, что это «нарушенное обещание» до сих пор вызвало гораздо меньшее научное или общественное внимание, чем миф о нарушенном обещании, что НАТО «ни на дюйм на запад» не продвинется в феврале 1990 года. См.: *Goldgeier J.* Promises Made, Promises Broken? What Yeltsin Was Told About NATO in 1993 and Why It Matters // War on the Rocks. 12 July 2016. URL: https://warontherocks.com/2016/07/promises-made-promises-broken-what-yeltsin-was-told-about-nato-in-1993-and-why-it-matters; *Goldgeier J.* Bill and Boris: A Window Into a Most Important Post-Cold War Relationship // Texas National Security Review. 28 August 2018. URL: https://tnsr.org/2018/08/bill-and-boris-a-window-into-a-most-important-post-cold-war-relationship.

[38] *Krumm R.* Europe's Security Governance and Transatlantic Relations. Friedrich Ebert Foundation, 2016.

Часть 1

В-пятых, Косовская война и ощущение бессилия России предотвратить войну против многолетнего исторического союзника (особенно бомбёжку Белграда) вызвали ощущение шока. Первая военная интервенция НАТО закончила десятилетие партнёрства, сложившегося между Ельциным и Клинтоном. Войны на Западных Балканах также вызвали интенсивную дискуссию в самой России. Значимость войн в бывшей Югославии с российской точки зрения, как правило, совершенно не учитывается на Западе.

В-шестых, после терактов 11 сентября Россия по собственной инициативе сотрудничала с Западом в деле борьбы с терроризмом, например дала доступ к своей военной базе в Киргизии для использования в войне с Афганистаном. Россия призвала США сформировать единый фронт против проникновения терроризма на Северный Кавказ, но реакции со стороны США не последовало; например, они не закрыли исламские организации, обвиняемые Москвой в финансировании чеченского подполья. Впоследствии инициатива России в отношении к сотрудничеству была быстро забыта на Западе[39].

В-седьмых, даже несмотря на то что предложение президента Медведева на рубеже 2008–2009 годов заключить договор о безопасности в Европе могло иметь «серьёзные изъяны»[40], равнодушная реакция Запада (отказ от переговоров на высшем уровне, только диалог на рабочем уровне ОБСЕ, так называемый «процесс Корфу») с российской точки зрения воспринималась как новая демонстрация общего нежелания Запада «обсуждать содержательный пересмотр европейской системы безопасности»[41].

В-восьмых, притом что расширение НАТО обсуждается в западных СМИ довольно часто, большей стратегической угрозой, как кажется, считается система ПРО (против баллистических ракет). Объяснения, что эта система не направлена против России, не считаются убедительными. Однако она нечасто выступает в западном дискурсе и, таким образом, должна считаться «слепым пятном» (интерпретационной лакуной)[42].

Как избежать «слепых пятен» в будущем

Процесс возникновения «слепых пятен» может быть разнообразен, и их могут вызывать самые разные факторы. Соответственно, существуют различные меры, которые

---

[39] *Hill W. H.* Op. cit. P. 176. URL: https://jamestown.org/program/sergei-ivanov-accuses-west-of-double-standard-on-chechnya.

[40] *Charap/Colton* (2017). Op. cit. P. 110.

[41] *Krumm R.* Op. cit. P. 9.

[42] *Sakwa R.* Russia against the Rest. P. 90.

потенциально могут помочь избежать интерпретационных лакун в будущем и сократить влияние тех, которые уже существуют.

Некоторые из «слепых пятен», как кажется, возникают вследствие определённой «зависимости от избранного пути» и инерции в восприятии мотивации другой стороны. Интерпретационная лакуна такого типа возникает на базе устаревших допущений о стратегических соображениях и ориентации другой стороны. Таким образом, стоит задуматься о том, чтобы разрешить другой стороне принимать в большем объёме участие в дискуссиях и процессах, которые должны вести к развитию и разработке новых стратегических указаний и ключевых документов. В военной сфере взаимные наблюдения, например во время военных учений и манёвров, являются общим и традиционным элементом инструментария построения доверия в отношениях Востока и Запада. Эти взаимные обмены визитами начались на пике холодной войны и имеют место до сих пор. Стоило бы учесть, что подход, оказавшийся эффективным для контактов военных в ходе армейских манёвров, мог бы также быть эффективен для наиболее влиятельных политтехнологов и генераторов идей (аналитических центров, министерств и влиятельных журналистов) в ходе развития и разработки ключевых стратегических документов. Поскольку большинство ключевых стратегий в любом случае являются публичными документами, такая сторона дела, как конфиденциальность, играет здесь незначительную роль. А поскольку некоторые страны Западной Европы, включая Германию[43], в последние годы испытывали тенденцию к развитию стратегических документов в относительно свободном и интерактивном ключе (например, через формат открытого диалога граждан), переход к такой процедуре не очень сложен. Если ключевые стратегические документы разрабатываются так, что позволяют принять к сведению открытые и способствующие доверию рекомендации другой стороны, более вероятно, что новые стратегические направления и соображения могут также найти место в общественной дискуссии. Тем самым увеличивается шанс, что этого конкретного типа «интерпретационных лакун» удастся избежать.

[43] Ср., например, развитие новой стратегии МИД Германии, процесс, приведший к появлению недавней Белой книге Бундесвера и разработке германских указаний «Предотвращение кризисов, разрешение конфликтов, построение мира».

Часть 1

В поисках третьего нарратива: реконструкция историй, (не) рассказанных об Украине

Ситуация на Украине является наиболее спорным вопросом, разъединяющим фактором в отношениях Запада и России. В этом тексте подведены итоги нашего обсуждения различных нарративов, существующих в связи с событиями на Украине после 2013 года. Для реконструкции различных нарративов об Украине мы использовали методику Анализа конфликтных процессов (англ.: *CPA*)[44]. Применяя этот метод, мы стремимся не проверить на достоверность какие бы то ни было заявления, сделанные той или другой стороной, а сравнить различные изложения одного и того же сюжета в рамках двух нарративов. Хотя большинство участников проекта были вполне в курсе многих аспектов этих нарративов, у нас ушло довольно много времени и усилий для реконструкции того, как именно обе стороны осмысливают события и какие аспекты игнорируются обеими сторонами. Таким образом, эта попытка – ценное предприятие даже для тех участников проекта, кто уже хорошо знаком с различными точками зрения. Принципиальную роль в обсуждении играл наш различный профессиональный и личный опыт.

Мы пришли к выводу, что употребление терминов «западный» и «российский» нарратив может вводить в заблуждение, так как сторонники обоих нарративов есть как в России, так и на Западе. Кроме того, мы отлично отдаём себе отчёт в том, что нарративов существует больше двух, и эти конкретные два нарратива также рассказываются более нюансированным образом. Однако в целях ясности мы решили сосредоточиться на двух наиболее распространённых нарративах в их умеренных версиях. Конечно, этот список событий не является исчерпывающим, и мы обсуждали гораздо больше подробностей и нюансов, чем можно здесь упомянуть. Таким образом, это резюме представляет собой необходимое упрощение, хотя мы претендовали бы на полный охват наиболее важных событий, сформировавших оба нарратива.

Мы признаём, что эти нарративы появились не в 2013 году, а восходят к разным пониманиям украинской истории и идентичности. В частности, роль украинцев во Второй мировой войне, оценка украинской независимости и распада Советского Союза являются очень спорными вопросами внутри украинского общества и за его пределами. Мы представляем Германию и Россию и осознаём деликатный характер обсуждения событий на Украине без участия украинцев. В известной мере нарратив о «российской агрессии» является на Украине общим. Однако этот нарратив в том виде, в каком он здесь излагается, осмысляется как наиболее распространённый в Германии, поскольку мы избегали умозрительных предположений об украинской точке зрения в отсутствие

[44] *Wüstehube L.* Konflikt-Perspektiv-Analyse. In: Perspektive Mediation 1/2004; *Willibald W., Splinter D., Pusch U.* Basic Guide to Mediation. DVV international, 2014. P. 28–36; GIZ/inmedio: Shimgelina under the shade. Addis Ababa, 2013. P. 71–75.

украинских участников. Тем самым было бы уместно и желательно на следующем этапе расширить этот диалог, введя в него украинские перспективы[45].

Цель данной части работы двояка. Во-первых, мы стремимся реконструировать два конкурирующих и непримиримых нарратива об Украине. Во-вторых, мы выделяем аспекты этого сюжета, упущенные обеими сторонами и противоречащие обоим нарративам. Эти аспекты, как правило, связаны с внутренней динамикой, интересами и стратегиями участников. Даже если эти аспекты не складываются в целостный «альтернативный нарратив», они всё же представляют важные отправные точки для дальнейшего осмысления и обсуждения темы за рамками двух противостоящих нарративов.

Нарратив о «российской агрессии»	**Нарратив «России-защитника / кризиса западного заговора»**	**Внутренняя динамика, не играющая роли в обоих нарративах**
Первый период: Майдан		
Янукович не подписал соглашения с ЕС, поскольку опасался экономического ущерба Украине со стороны России (повышение цен на газ и торговые санкции). Кроме того, он не желал освобождать Тимошенко, что было требованием многих западных стран.	Неподписание соглашения с ЕС было легитимным решением Януковича.	Янукович вел собственную игру (например, переговоры с Китаем). Поскольку заключение Тимошенко вызывало большую обеспокоенность западной общественности, западные политики и переговорщики сделали её освобождение предварительным условием подписания договора. Таким образом, они упустили из внимания российские интересы на Украине как главное препятствие на пути соглашения[46].

[45] На нашем втором заседании присутствовал один участник из Украины, который способствовал обсуждению многими ценными замечаниями. Однако это была лишь одна перспектива, недостаточная для реконструкции украинских нарративов.

[46] "Gipfel des Scheitern" (Spiegel 48/2014). URL: http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-130458613.html. Charap/Colton (2017): Op. cit. P. 120.

Часть 1

Нарратив о «российской агрессии»	Нарратив «России-защитника / кризиса западного заговора»	Внутренняя динамика, не играющая роли в обоих нарративах
Россия сыграла игру с нулевой суммой, поскольку она не желала сотрудничать в процессе переговоров о соглашении.	ЕС и США поставили Украину перед жесткой альтернативой «или / или».	Конфликт между перспективой Украины как участника общего рынка с Европой и Евразийского союза (общий рынок с Россией) можно было бы попытаться разрешить путём переговоров на уровне обеих региональных организаций с участием Украины.
Имел место подлинный протест украинцев – выступление в защиту прав человека и европейских ценностей и против коррупции. Западная поддержка НПО имеет целью развивать независимое гражданское общество.	Протесты на Майдане – это протесты ультраправых («фашистов»). Запад (прежде всего США) поддерживал протестующих заметными материальными ресурсами. Западные политики и СМИ демонстрировали предвзятую поддержку Майдану.	Евромайдан состоял из очень разнообразных участников и групп и был тем самым непредсказуем. Бóльшая часть финансирования этих протестов происходила из самой Украины. Глубокие различия в понимании роли и функции гражданского общества в обоих нарративах являются подлинными и восходят к 1990-м годам[47].
Россия поддерживала расстрел протестующих на Евромайдане, в результате чего правительство Януковича утратило моральную легитимность.	Евромайдан представлял собой организованный США государственный переворот, призванный поссорить Европу с Россией. В результате украинское государство больше не является легитимным государством.	Внутренние процессы ЕС побуждали участников, представляющих Евросоюз, торопиться. Поэтому институты ЕС недостаточно смогли предвидеть последствия для Украины, подписывая договор в Вильнюсе, и не рассчитывали на этот сценарий.
Янукович бежал.	Янукович не смог вернуться на рабочее место после захвата власти.	Янукович совершил стратегическую ошибку и тем самым лишился власти[48].

[47] См. Российские «слепые пятна» № 5; Западные «слепые пятна» № 3 и 4». С. 27, 29.

[48] *Stanovaya T.* (2013) The Fatal Error of Viktor Yanukovych, Institute of Modern Russia. URL: https://imrussia.org/en/politics/617-the-fatal-error-of-viktor-yanukovych.

Нарратив о «российской агрессии»	Нарратив «России-защитника / кризиса западного заговора»	Внутренняя динамика, не играющая роли в обоих нарративах
Соглашение 21 февраля между активистами Майдана и правительством Януковича при посредстве министров иностранных дел Франции, Германии и Польши с поддержкой России и США устарело после свержения режима.	Запад легко и быстро забыл о договорённостях 21-февраля.	В то время как некоторые западные участники событий с энтузиазмом замечали, что соглашение больше не нужно, посредники уговаривали новое украинское правительство его соблюдать. Никакой эксплицитной согласованной единой стратегии не было[49].
Второй период: Крым		
Россия отрицала наличие своих войск («зелёных человечков») в Крыму, а затем признала их наличие. Они лгали и тем самым им больше нельзя доверять. Россия использовала окно возможностей для незаконного вторжения на стратегически важную территорию, трактуя исторические связи как предлог для вмешательства.	Русскоязычные и русские в Крыму были под угрозой. Русскоязычные на Украине боялись поездов с украинскими националистами, направляющихся в Крым. Российские войска должны были защищать военную базу в Севастополе, поскольку новое пронатовское правительство Украины необязательно стало бы соблюдать соглашения о Севастополе. Быстрые действия под прикрытием («зелёные человечки») были единственным вариантом.	События в Крыму были в известной мере частью борьбы за власть между региональными элитами. Одна часть этих элит обращалась к России за помощью. Это было не спонтанное решение, а долгосрочная стратегия[50].
Американские суда пересекают Чёрное море постоянно. Они приходят и уходят, не создавая угрозы. Россия параноидальна, поскольку США не стали бы рисковать ядерной войной из-за Крыма.	Американские суда были близко к Крыму[51]. Если бы российская армия не вмешалась, российский флот был бы заблокирован американскими кораблями.	

[49] МИД Франции, ФРГ и Польши призывают Киев наладить диалог с регионами. URL: https://ria.ru/world/20140331/1001783829.html. Gemeinsame Erklärung zur Ukraine der drei Außenminister des Weimarer Dreiecks Frank-Walter Steinmeier (Deutschland), Laurent Fabius (Frankreich), und Radosław Sikorski (Polen) in Weimar. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/140331-gemeinsame-erklaerung-zur-ukraine/261270.

[50] *Matsuzaton K*. (2016): Domestic Politics in Crimea, 2009–2015, Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization 24(2). P. 225–256. URL: https://muse.jhu.edu/article/619862/pdf. *Hughes J., Sasse G*. (2016): Power ideas and conflict: ideology, linkage and leverage in Crimea and Chechnya, East European Politics 32(3). P. 314–334. URL: https://doi.org/10.1080/21599165.2015.1124091. P. 319.

[51] Крым. Путь на Родину (2016), documentary shown on Russian state TV. URL: https://youtu.be/t42-71RpRgI.

Часть 1

Нарратив о «российской агрессии»	Нарратив «России-защитника / кризиса западного заговора»	Внутренняя динамика, не играющая роли в обоих нарративах
Российское правительство осознанно подстрекало националистические чувства («*Крым наш*») с целью легитимизации своего решения, фактически основанного на другом мотиве: желании подорвать украинское государство. Российское правительство получило выгоду от националистических чувств, так как его рейтинги взлетели вверх после долгого падения, связанного с экономикой. Российское правительство использовало Крым для легитимизации собственного авторитарного режима.	С начала 1990-х годов народ испытывал сильное желание вернуть Крым, ставший частью Украины в 1954 году в результате произвольного решения (это был «подарок» Хрущева, который сам был украинцем).	Общественное мнение России по поводу Крыма стало ещё более консолидированным, когда Запад не одобрил действий России.
Референдум не был проведён в соответствии с международными стандартами (включая сжатые сроки, военное присутствие и нечёткие формулировки вопроса) и тем самым не был легитимным.	Референдум был легитимным решением населения Крыма.	
Косово отличается от Крыма, поскольку соответствующие вопросы обсуждались уже более 10 лет, референдум прошёл в иных обстоятельствах, а страна стала независимой, а не частью другой.	Крымский случай похож на косовский. Поэтому Запад должен признать демократическое решение крымского народа.	Критерии, при которых «обязанность защищать» и / или право на самоопределение имеют приоритет над национальным суверенитетом, являются примером острой дискуссии (даже среди западных участников). Здесь нет чёткой границы между чёрной и белой зоной. Таким образом, участники ситуации отсылают к различным принципам для оправдания своих.

Нарратив о «российской агрессии»	Нарратив «России-защитника / кризиса западного заговора»	Внутренняя динамика, не играющая роли в обоих нарративах
Аннексия Крыма есть прямое нарушение Будапештского меморандума, гарантировавшего территориальную целостность Украины.	В результате Евромайдана возникло новое государство. Будапештский меморандум подписывало «старое» украинское государство. Тем самым у России нет обязательств перед этим новым украинским государством[52]. Россия не нарушала Меморандума, поскольку в нём содержится только одно обязательство, а именно не атаковать Украину ядерным оружием[53].	Этот конфликт основан на конкурирующих правовых принципах, которые практически невозможно примирить. Имеется естественное напряжение между территориальной целостностью и самоопределением.
Третий период: Донбасс		
Конфликт в Донбассе – это конфликт между Украиной и Россией.	Конфликт в Донбассе – это внутриукраинский конфликт («гражданская война»).	Существуют три уровня: для сепаратистов оппонент – украинское правительство (внутриукраинский), для украинского правительства – Россия (региональный), для России – Запад (глобальный).
Россия режиссировала протесты против Евромайдана.	Это были искренние протесты населения Донбасса, которое чувствовало угрозу из-за киевского переворота с перспективой утратить право говорить на родном русском языке.	Имели место протесты против Евромайдана, а также против отмены закона о языковой автономии в Харькове, Одессе и Мариуполе. Однако в этих регионах события по ряду причин пошли по разному пути. Украинские власти поразному отнеслись к протестам в этих регионах. Старые олигархические элиты (как правило, ассоциируемые с Партией регионов) боялись преследования, прежде.

[52] Пресс-конференция Владимира Путина. Онлайн-репортаж: URL: https://ria.ru/politics/20140304/998082399.html #13939354343213.

[53] Russian Embassy to the UK on Twitter: https://twitter.com/RussianEmbassy/status/692321689254830080; Лавров разъяснил слова о соблюдении Россией Будапештского меморандума: URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/02/10/628380-lavrov-budapeshtskogo-memoranduma.

Часть 1

Нарратив о «российской агрессии»	Нарратив «России-защитника / кризиса западного заговора»	Внутренняя динамика, не играющая роли в обоих нарративах
		всего за коррупцию, со стороны нового правительства Украины. Возник вакуум власти. В Донецке и Луганске этот вакуум заполнили полевые командиры / сепаратисты[54]. В Харькове сильный мэр, первоначально противник Евромайдана и член Партии регионов, передумал, пошёл на сделку с новым правительством и предотвратил правовой вакуум[55].
В боевых столкновениях участвует регулярная российская армия. Российское правительство снова лжёт об этом факте и ведёт гибридную войну против Украины.	Войну в Донбассе ведут украинцы, которым помогают добровольцы. Эти последние по случайному стечению обстоятельств являются российскими военными. Украинские добровольческие батальоны – фашисты. Их незаконно поддерживают США, ведущие гибридную войну с Россией.	В Донбассе воюют самые разные участники. Некоторые из них – наёмники, которые раньше участвовали в других вооружённых конфликтах в бывшем Советском Союзе и за его пределами[56]. У различных групп свои собственные интересы. У сепаратистов есть собственная повестка, несмотря на их поддержку со стороны России[57].

[54] *Matveeva A*. (2016): No Moscow stooges: identity polarization and guerrilla movements in Donbass, Southeast European and Black Sea Studies 16(1), DOI: 10.1080/14683857.2016.1148415. P. 11. *Skorkin K*. (2018) A Counter-Elite Takes Power – the New Leaders of the Donbas, Carnegie Moscow Center. URL: https://carnegie.ru/commentary/75549. *Matsuzato K*. (2017) The Donbass War: Outbreak and Deadlock, Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization 25(2). P. 125–201. URL: http://muse.jhu.edu/article/657202/pdf. P. 188. *Kuzio T*. (2015) Rise and Fall of the Party of Regions Political Machine, Problems of Post-Communism 62. P. 174–186.

[55] *Shapovalova N., Jarábik B*. (2018): How Eastern Ukraine Is Adapting and Surviving: The Case of Kharkiv. URL: https://carnegieeurope.eu/2018/09/12/how-eastern-ukraine-is-adapting-and-surviving-case-of-kharkiv-pub-77216.

[56] *Sakwa R*. (2015) Frontline Ukraine: Crisis in the Borderland. London : Tauris. P. 148–182.

[57] *Matsuzato K*. (2017): The Donbass War: Outbreak and Deadlock. Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization 25(2). P. 125–201. URL: http://muse.jhu.edu/article/657202/pdf. *Kudelia S*. (2014) Domestic Sources of the Donbas Insurgency, PONARS Eurasia, Policy Memos. URL: http://www.ponarseurasia.org/memo/domestic-sources-donbas-insurgency.

Нарратив о «российской агрессии»	Нарратив «России-защитника / кризиса западного заговора»	Внутренняя динамика, не играющая роли в обоих нарративах
Российская сторона совершает военные преступления.	Украинская сторона совершает военные преступления.	Гражданское население сильно страдает в ходе конфликта[58].
Сепаратисты зависят от России. Россия, таким образом, отвечает за их действия.	Россия не отвечает за действия правительств независимых Донецкой и Луганской республик. Украинское правительство состоит из западных «марионеток». Запад, таким образом, отвечает за их действия.	ДНР и ЛНР не находятся под полным контролем Кремля[59]. Отношения между украинским правительством и правительствами Запада очень сложны и щекотливы.
Внутренне перемещённые лица (ВПЛ) в этом нарративе не упоминаются (интерпретационная лакуна).	Украина не поддерживает ВПЛ из Донбасса. Возникает множество конфликтов между ВПЛ и местными сообществами, куда они приезжают. Это показывает, что нужна защита со стороны России. Из-за враждебности к ВПЛ многие беженцы из Донбасса отправились в Россию.	Внутриукраинский уровень конфликта выходит на поверхность в местных конфликтах с ВПЛ или вокруг них. Однако многие проевропейские НПО Украины также поддерживают интеграцию ВПЛ.
Минские соглашения должны осуществляться всеми их участниками. Россия, как один из подписантов Минского соглашения и участник нормандского формата, несёт особую ответственность за осуществление соглашений.	Минские соглашения должна осуществлять Украина.	На фоне внутриполитической ситуации как на Украине, так и в России, а также с учётом калькуляции приобретений и затрат, для обеих сторон «лучше» поддерживать текущее положение дел, а не предпринимать значительных шагов для осуществления Минска-2.

[58] Daily reports from the Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine: URL: https://www.osce.org/ukraine-smm/reports. International Crisis Group (2018): "Nobody Wants Us": The Alienated Civilians of Eastern Ukraine, Europe Report N°252: URL: https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/eastern-europe/ukraine/252-nobody-wants-us-alienated-civilians-eastern-ukraine.

[59] International Crisis Group (2016): "Russia and the Separatists in Eastern Ukraine".

Часть 1

Ключевые выводы: наиболее важные соображения, возникшие в ходе рабочих совещаний

1. Российские и германские участники в целом согласны, что **украинский кризис не был прямой причиной** нынешней конфронтации между Россией и Западом; это, скорее, одно из звеньев более длинной цепи исторических событий и изменений. Многие принципиальные коренные причины нынешнего кризиса восходят к более ранней фазе периода после холодной войны и даже к заключительному этапу самой холодной войны. В 1990-е годы отношения Запада с Россией были по-прежнему относительно конструктивными, несмотря на отдельные моменты регресса (балканские войны, расширение НАТО, внутрироссийский хаос), но стали более спорными после 1999 года.

2. Исторический контекст позволяет объяснить **стратегические решения**, принятые одной из сторон в определённый момент, и в **своё время они были вполне осмысленны, однако имели долгосрочные негативные последствия** для отношений России с Западом[60]. Например, многие западные решения 1990-х годов имели целью улучшение стабильности в Центральной и Восточной Европе и не преследовали антироссийских целей. Но поскольку участие России в них не было предусмотрено, они способствовали новому разделению Европы и изоляции России от системы европейской безопасности.

3. **Россия не играла такой значительной роли** в принятии Западом решений в 1990-е годы и вплоть до рубежа 2007–2008 годов, как это представляется в российском нарративе. Таким образом, следует признать определённый дисбаланс. Россия постоянно думала о Западе, в то время как она не занимала значительного места в западной стратегической повестке дня. Тем самым надо пересмотреть предпосылку о последовательной и целостной «западной повестке дня».

4. Коллективные интерпретационные лакуны, идентифицированные нами выше, могут служить для обретения **«мостов понимания»**. Мосты понимания – это аспекты конфликтного нарратива, где сдвиг перспективы – попытка представить себя на месте другой стороны в связи с эмоциональными оттенками – кажется сравнительно простым и возможным без риска поступиться собственными базовыми ценностями.

5. Диалог о спорных нарративах следует отделить от обсуждения текущей ситуации и шагов в будущем. Проще размышлять о собственном нарративе, возможно, даже при-

[60] Этот аргумент также подробно развивается в работе: *Hill W. H.* No Place for Russia: European Security Institutions since 1989. New York : Columbia University Press, 2018.

знав собственные интерпретационные лакуны, не связывая его непосредственно с текущими потребностями. Подобный подход дополнял бы другую стратегию – «распутывания» прошлого и настоящего с осознанным отказом говорить о прошлом, как в Структурированном диалоге ОБСЕ.

6. Использование подхода, позволяющего реализовать совместную **реконструкцию основных нарративов с позиций метаперспективы**, было исключительно полезным при содействии плодотворному диалогу даже на такую в высшей степени поляризующую тему, как события на Украине после 2013 года. В ходе эскалации конфликта задействованные стороны нередко всё чаще и чаще пренебрегают **внутренней динамикой** позиции оппонентов. Концентрация на внутренней динамике может служить мостом понимания и в украинском случае.

7. **Структурные различия** между германской и российской **системами СМИ** плохо известны обеим сторонам и делают прямые сравнения обманчивыми. Рост знаний здесь можно рассматривать как потенциальный «мост понимания», благодаря которому критические обсуждения СМИ друг друга станут эффективнее.

8. Явное дополнительное преимущество достигается при помощи **подхода посреднического диалога**; работа с небольшой и постоянной группой на протяжении длительного времени (в отличие от традиционных мероприятий типа конференций) позволяет укрепить доверие на личном уровне: вместо обмена высказываниями это создаёт возможность стимулирования дискуссий при помощи таких методов, как переформулирование высказываний с целью увеличить ясность и взаимопонимание (см.: часть 2).

9. Дополнительное преимущество обмена **индивидуальным биографическим опытом** («подход Share», см.: часть 2) для диалога подчёркивается и количеством участников. Выявилась также интересная параллель – динамика сложных взаимоотношений между теми, для кого падение коммунистического режима воспринималось как унижение (и кто играл в этой системе активную роль), и теми, кто рассматривал его как освобождение (и соответственно подвергался преследованию со стороны системы, существовавшей в Германии, применительно к бывшей ГДР и в России). Эти взаимоотношения отразились и в конфликте между Востоком и Западом в Германии, а также в отношениях между Россией и Западом. Вопрос о том, **как разобраться с наследием прошлого**, является общим и, следовательно, служит ещё одним мостом понимания.

Часть 1

10. Одной из тем обсуждения на нашем рабочем семинаре оставалась **роль эмпатии** на эмоциональном уровне (а не только на уровне интересов). В то время как некоторые участники утверждали, что она несущественно поможет преодолеть существующие расхождения, другие считали принципиальным не только использовать когнитивную эмпатию для оценки намерений другой стороны, но и для знакомства с перспективами друг друга на более эмоциональном уровне[61].

[61] По поводу последней позиции см. *Splinter D*. (2018) Empathy versus Realpolitik? URL: https://isnblog.ethz.ch/peace/mediation-perspectives-empathy-versus-realpolitik.

Часть 1

Что делать? «Острова сотрудничества»

Целый ряд острых разногласий между Россией и Западом в обозримом будущем разрешён не будет. Для многих заинтересованных групп, участвующих в принятии решений, конфронтация (если она по-прежнему будет ограниченной и контролируемой) может даже быть предпочтительным вариантом. Ни в России, ни на Западе нет критической массы людей, будь то среди избирателей или реальных политиков, которая бы всерьёз утверждала, что потенциальные выгоды от более конструктивных отношений настолько привлекательны, что нужно отказаться от провозглашаемых принципов и прийти к компромиссу, чтобы приблизить это светлое будущее. Напротив, картина мира, который мог бы возникнуть в результате углублённого сотрудничества России с Западом, в лучшем случае расплывчата и не может в настоящее время служить руководством для лиц, принимающих стратегические решения. И в дальнейшем легко будет упустить возможности преодолеть взаимное отчуждение и недоверие, пока не увеличилось число контактов, которые помогли бы обеим сторонам понять, что можно выиграть от этих отношений, если они улучшатся, и что можно потерять в противном случае.

Хотя многие из существующих разногласий описываются в терминах соперничества между США и Россией, дорога к деэскалации лежит через Европу, как в географическом, так и в ментальном смысле. Реальная заинтересованность США в России ограничивается узкой сферой, прежде всего оружием массового поражения; обе великие державы нередко используют образ друг друга в качестве политического пугала, что затрудняет краткосрочный прогресс. Интерес ЕС в России глубже. Хорошо это или плохо, но ЕС и России сложно разорвать многочисленные нити, связывающие их в разных областях. Для них проблема носит реальный характер, и даже если доступные краткосрочные решения носят не более чем паллиативный характер, их применение всё же вполне осмысленно.

Последующие предложения основываются на подходе «островов сотрудничества», стремящегося определить возможные небольшие шаги, которые можно сделать, смягчая напряжение и не разбирая фундаментальных разногласий. Хотя в настоящем докладе, как правило, указываются эти фундаментальные разногласия и их отражения в конкурирующих диалогах, мы рассматриваем эти два подхода как дополнительные и, таким образом, считаем полезным выделить некоторые из таких возможных шагов.

Часть 1

Визовый диалог[62]

Для простых людей при оценке качества отношения с другими странами наиболее очевидный критерий – это простота получения визы. Большинство европейцев в наши дни отвыкли путешествовать с визами. Большее количество партнёров ЕС, включая теперь Украину, Молдову и Грузию, а также большинство западнобалканских стран заключили с Евросоюзом договоры о безвизовом режиме. Через несколько лет этой цели планирует достичь Армения. Визовый диалог с Россией в рамках режима санкций, введённого ЕС в ходе украинского кризиса, был приостановлен, несмотря на то что чиновники и политики ЕС неоднократно заявляли, что прямое общение между людьми разных стран следует развивать даже в период сложных взаимоотношений.

Из соображений безопасности, которые в последние годы лишь усложнились, ЕС и Россия, скорее всего, не смогут достичь в обозримом будущем соглашения о безвизовом режиме. Однако визовый диалог может по-прежнему служить важной платформой, которая облегчит использование технологий электронной визы и обмена информацией поверх границ, что в конечном счёте снизит бремя для обычных граждан.

Диалог между ЕС и ЕАЭС[63]

Россия – важный экспортёр сырья, прежде всего для Европейского Союза, и прибыльный рынок для производителей ЕС. В силу этого естественно, что ЕС более заинтересован в хороших отношениях с Россией, чем США. Решения, принятые в связи с инфраструктурными связями, в том числе с энергетическим сектором, имеют долгосрочные последствия. Возможности, упущенные сегодня из-за политически напряжённой атмосферы, создают лакуны, которые сохранятся на десятилетия или даже на века, например различные стандарты для важных технологий или предпочтение неоптимальных торговых маршрутов. Поскольку Россия вместе с Беларусью, Казахстаном, Арменией и Киргизией передала определённые компетенции торговой политики Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), включающему Таможенный Союз между этими странами, всё большее число вопросов, связанных с сотрудничеством в области торговли и бизнеса, следовало бы решать в ходе переговоров с Евразийской экономи-

---

[62] См. *Baranov K*. Aspects relating to human rights and the rule of law in the visa dialogue between the EU and Russia. In: EU-Russia Visa Dialogue Reloaded: the Political, Economic and Social Dimension, EU-Russia Civil Society Forum, Warsaw, 2015. URL: http://www.batory.org.pl/upload/files/Programy%20operacyjne/Otwarta%20Europa/EU%20Visa%20Code%20reform.pdf.

[63] См. *Dienes A., Krumm R*. Time to Act: why cooperation between the EU and the EEU has its merits. In: Riga Dialogue Afterthoughts, Latvian Insitute of International Affairs, 2018.

ческой комиссией. До сих пор ЕС поддерживает диалог с ЕАЭС на техническом уровне, поскольку многие страны отвергают «обычный порядок ведения дел» (англ.: "business as usual") с Россией, а ЕАЭС воспринимается как находящийся под российским доминированием. Хотя Россия действительно несёт бóльшую часть экономического веса в рамках ЕАЭС, решения в нём принимаются путём консенсуса. ЕС мог бы признать, что достижение соглашений между ним и ЕАЭС принесло бы долгосрочные положительные последствия для обоих союзов. Кроме того, переговоры, где участвовали бы представители не только России, но и других стран, включая, что особо важно, технократов Евразийской экономической комиссии, помогло бы отделить этот диалог от острых политических вопросов, по которым ЕС и Россия придерживаются разных взглядов.

Уменьшение рисков[64]

В некоторых сферах уже очевиден риск военных инцидентов между Западом и Россией. Надежда на то, что некоторый единственный инцидент не будет иметь серьёзных последствий, не лишена оснований, но сочетание плохих механизмов разрешения кризиса и нарастающей политической напряжённости может привести к кумулятивному эффекту. Идеи новой, улучшенной европейской архитектуры безопасности в обозримом будущем останутся мечтой, но это не значит, что ничего нельзя исправить. Есть возможность возродить Совет Россия – НАТО (СРН) как механизм уменьшения рисков. Позиция НАТО заключается в том, что государства – члены Альянса не могут вернуться к *"business as usual"* с Россией и что уменьшение рисков и базовые меры по установлению доверия представляют насущную необходимость.

Если некоторые возможности СРН остаются блокированными, имеется возможность усовершенствования соответствующих механизмов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). С этой целью государства – участники ОБСЕ уже начали Структурированный диалог[65]. Если его ресурсы будут выработаны без каких-либо ощутимых результатов, это приведёт лишь к новому взаимному разочарованию и деградации европейской структуры безопасности – новой точке спада в отношениях России с Западом. Эффективность Структурированного диалога в значительной мере зависит от искренности и серьёзности государств-участников. Сообщество экспертов и обще-

---

[64] См.: URL: http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/towards-a-nato-russia-basic-understanding.

[65] См.: *Nünlist Ch*. Under Pressure: The Uncertain Future of the OSCE Structured Dialogue, in: Security and Human Rights Monitor, 29 November 2018. URL: https://www.shrmonitor.org/under-pressure-the-uncertain-future-of-the-osce-structured-dialogue.

ственность в целом обладают потенциалом подталкивать в этом отношении лиц, ответственных за разработку политики, объясняя им, как опасно ничего не делать в этой области на протяжении долгого времени.

Расширение диалога вокруг спорных нарративов

Чтобы дополнить меры, вытекающие из философии «островов сотрудничества», следует расширить диалоги вокруг спорных нарративов на уровне гражданского общества. В этих диалогах должен участвовать более широкий круг деятелей с противоположными политическими взглядами. Это может подготовить почву для более фундаментальных и ориентированных на будущее дискуссий, как только это станет возможным в политических условиях. Прежде всего, в диалог следует включить все страны – члены ОБСЕ, но в то же время формат, при котором можно отразить внутренние разногласия мнений внутри одной страны, существен для продуктивного диалога.

Исторический подход, концентрирующийся на уровне фактов, следует дополнять социально-конструктивным подходом, концентрирующимся на «субъективных истинах». Также важно определить, как это можно учесть в существующих форматах диалога и как методики содействия посредническому диалогу могут быть интегрированы в формальные механизмы.

Часть 2

О методологии: Подход посреднического диалога

Максим Крушвиц, Евгения Сайко

В результате эскалации, наблюдаемой в последние годы, на германско-российских переговорах были разработаны и закреплены параллельные нарративы. Поскольку обычно они противопоставлены друг другу, как два монолита, ситуация часто видится как разочаровывающая и безнадёжная. Для проведения конструктивного диалога многие задаются вопросом, *каковы* должны быть ключевые проблемы для обсуждения. Слишком часто результатом становится диалог, где речь идёт *про* недостатки друг друга и «выпускается пар», а спорные вопросы выпадают из сферы обсуждения. Однако ещё более насущный вопрос заключается в том, *как* нам нужно говорить друг с другом, чтобы участвовать в диалоге друг *с* другом. Именно эту проблематику и разрабатывает Подход посреднического диалога, применённый в настоящем проекте: он предлагает альтернативную перспективу участия в более конструктивном диалоге. В дальнейшем мы даём слово самим участникам, используя цитаты из полуструктурированных интервью, собранных в ходе первого рабочего совещания по системной оценке в университете имени Фридриха Шиллера (Йена), и из обратной связи (в письменном и устном виде) со второго рабочего совещания. На следующих пяти уровнях проявляется особое свойство Подхода посреднического диалога inmedio. Не каждый его аспект является новым, но в совокупности они образуют новый подход содействия диалогу:

- **Отношение координатора**

Осознание ценности: Каждое достижение или заявление рассматривается как вклад в диалог. Это отношение мотивирует участников говорить правдиво и честно, поскольку они чувствуют, что их уважают и прислушиваются к их комментариям.

> *«Она осмелилась (выступить), потому что чувствовала, что ей это позволяют. Участники и координатор не подвергают её травле, а воспринимают всерьёз, не сбрасывают её комментарии с повестки дня».*
>
> *«Здесь нет поучений. Никто никого не стремится унизить. Я могу выстроить своё мнение самостоятельно».*

Многосторонность: Координатору советуется отойти от собственной позиции и равным образом поддерживать каждую позицию участников. Это также создаёт свободное пространство для неожиданного и поощряет идеи участников.

Часть 2

Гибкое планирование как возможность: Благодаря схеме процесса, нет какой-либо жёсткой структуры, которой мог бы придерживаться координатор. Эти неструктурированные моменты делают возможным неожиданные и новые решения.

Понять ≠ Согласиться: Суметь понять позицию – не значит согласиться с ней. Исходя из этого, участникам легче ощутить эмпатию к разным точкам зрения.

- **Основные методы координатора**

Анализ конфликтной перспективы[66]: АКП – это структурированный многоуровневый анализ. Он использует эмпатию для построения гипотез, связанных с хорошо осознаваемыми интересами и мотивациями, которые лежат в основе действий и точек зрения каждой стороны. В центре этого анализа – желания, страхи и чувства каждой стороны.

«Думаю, что это было главное в официальной программе. В обычной жизни мы до этого не добираемся – мы слишком много думаем о себе. Наверное, это было нелегко, но в итоге мы узнали много удивительного для нас всех».

Подход Share[67]**:** участники делятся друг с другом личным биографическим опытом, ассоциирующимся с обсуждаемым сюжетом. Это смягчает жесткие позиции, обнажая их правдоподобные источники. В итоге дискуссия получается более глубокой. Кроме того, метод в высокой степени способствует доверию.

«Гораздо сложнее осуждать другого человека и его политические взгляды, если вы знаете, откуда они взялись».

«Обычно при таком типе разногласий люди считают, что у другой стороны просто промыты мозги. Но в этом случае я не могу так думать, потому что это люди, которых я люблю больше всего на свете» (О расколе в собственной семье участника относительно Крыма).

---

[66] *Wüstehube L.* Konflikt-Perspektiv-Analyse. In: Perspektive Mediation 1/2004; Walter, Willibald; Dirk Splinter; Ulrike Pusch: Basic Guide to Mediation. DVV international, 2014. P. 28–36; GIZ/inmedio: Shimgelina under the shade. Addis Ababa, 2013. P. 71–75.

[67] URL: https://www.inmedio.de/sites/default/files/60_Korea%20Forum%20special%20no%202%20EPRIE%202014_SHARE-02.pdf.

- **Методики координатора**

Перефразирование и отображение: Перефразирование структур фокусирует разговор. Кроме того, когда их эмоции находят отображение, участники видят, что координатор их полностью понимает. Это поощряет их свободнее говорить на щекотливые темы.

«Это хорошо вело диалог. Ты говоришь что-нибудь, координатор повторяет это опять, так что ты уверен, что тебя правильно поняли, и остальные, опираясь на это резюме, могут включиться и тоже сказать что-нибудь».

Контекстные вопросы: Это набор вопросов, помогающий участникам критически задуматься над собственной позицией. Эти вопросы раскрывают глубинные желания, беспокойства и эмоции. Кроме того, они структурируют и конкретизируют диалог.

«Это помогает вам проявлять эмпатию к другим. Это действительно помогает вам представить себя на месте другого, так что вы начинаете понимать точку зрения другого».

Документирование через визуализацию: постоянная запись содержания на флипчартах и модерационных карточках делает результаты непосредственно видимыми и структурирует диалог.

«На каждом шагу мы имеем дело с результатами. Обычно у нас бывает много переговоров без результатов, и я уже привык к бесплодным дискуссиям. Каждый говорит о своём – и всё. А здесь я вижу результаты».

Социометрия: Во время интенсивной вступительной сессии технология диалога предусматривает краткий обзор настроений, мнений, отношений и т. п. С самого начала полезно инициировать разговоры и познакомить участников с многочисленными точками соприкосновения.

Часть 2

«К обеду я уже представлял себе, кто есть кто. Он чем-то занимается с ОБСЕ, так что я смогу поговорить с ним об этом. Ага, это журналист, с ним я могу обсудить то-то. Это фактически создаёт зацепки для более неформальной беседы».

- **Схема процесса**

Ориентация процесса: Процедура диалога постоянно повторно оценивается, чтобы стихийно адаптировать его к ситуации. При этом координаторы могут сконцентрироваться на релевантности содержания и перспективности темы, а также на предпочтениях участников.

«Гибкость – фактически ключевой критерий, определяющий, можешь ли ты модерировать дискуссию или нет. Если ты будешь планировать вперёд и затем просто идти по пунктам, хорошего модератора из тебя не выйдет. Спонтанные отклонения от действующего сценария – это ключевой фактор, способствующий хорошей координации».

Открытый результат: Формулирование содержательной цели сознательно оставляется самим участникам, поскольку они являются экспертами по этой теме. Это позволяет обсуждению выйти на новый уровень. Кроме того, участники ощущают себя активными субъектами, а не просто подчинёнными объектами. Таким образом, они чувствуют, что достигнутый результат – действительно их.

«Координаторы старались не быть слишком настойчивыми и давали группе максимум свободы, и, кажется, по крайней мере в этой группе это получилось. Люди были активны, не пытались просто остаться в стороне. Координаторы могли оставить инициативу группе».

Взаимопонимание: Цель этого подхода – чтобы участники понимали, что их слушают. Тем самым аргументы становятся аутентичными и вызывают больше доверия.

«Мы смогли выйти из политической полемики и увидеть политику такой, какая она есть: она создана людьми, и люди в ней живут».

Прозрачность: Координаторы открыто сообщают правила процедуры, и участники могут за ней следить. Это особенно важно при процессно-ориентированном подходе и способствует доверию координаторам.

Небольшие группы: С целью добиться доверия и углубить обсуждение идеальное количество участников устанавливается в 16–20 человек. Это гарантирует участие в обсуждении всех.

Работа в небольших группах: Ещё сильнее активизирует обмен мнениями дальнейшее разбиение участников на разнородные небольшие группы. Однако результаты каждой подгруппы сообщаются затем полному составу: участники постоянно дают друг другу новую пищу для размышлений.

«Все люди разные – у каждого своя логика и ожидания от жизни, поэтому группа очень разнообразная. Думаю, взаимодействие внутри группы – это самое интересное. Потому что группы непохожи друг на друга».

Неформальная обстановка: Например, нет столов, чтобы сократить расстояние между участниками и поощрять прямой и живой обмен мнениями. Разговор лицом к лицу делает собеседника более открытым и доступным, особенно в том, что касается эмоций.

«Большим преимуществом по сравнению со стандартной конференцией мне кажется то, что люди реально вступают в диалог и обмениваются аргументами, и ты меньше стеснен. Не надо использовать определённый научный язык или метод, который сильно ограничивает тебя и заставляет говорить о мелочах, а не об общей картине».

Два координатора: Для работы с таким сложным обсуждением важно участие двух координаторов, которые могут поддержать друг друга или работать раздельно, если необходимо.

Время: Подход последовательного диалога требует больше усилий, чем привычные форматы.

Часть 2

- **Трудности**

Усилия: По сравнению с более традиционными форматами данный подход требует больше ресурсов, особенно времени.

Сложности для координаторов: Сложность подхода требует от координаторов много знаний и опыта. Особая трудность для них – поиск верного баланса между стратегиями «дать группе свободу» и «вести её к конкретным действиям». Например, отпустили ли вы обсуждение на свободу, надеясь получить новые мысли, или вы хотите вмешаться более решительно для того, чтобы продвинуть процесс вперёд?

Сложности для участников: Высокая степень сложности может утомлять или даже раздражать участников. Она требует от них определённой открытости к новым подходам.

Однако наши результаты показывают, что дополнительные усилия стоят того, чтобы их предпринять – появляется шанс создать новые импульсы для диалога. В то же время становится возможным более глубокое понимание других перспектив. Посредством Подхода посреднического диалога нам удалось обогатить дискуссию между участниками. Вопросы, ранее уже подробно обсуждавшиеся, можно увидеть в ином свете. Выявляются новые нюансы и детали, которые могут помочь достичь настоящего решения. Этот подход поощряет участников отказаться от привычных сценариев и мыслить нестандартно. Это открывает новые перспективы и помогает выявить интерпретационные лакуны. В частности, доверие между участниками и по отношению к координаторам является принципиальным для критической оценки собственной перспективы. Затем участники принимают различные перспективы и в конечном счёте развивают новые креативные подходы к обсуждению. Тем самым можно видеть в этом подходе шанс расширить и улучшить традиционный формат конференции и инициировать диалог *друг с другом,* а не *друг о друге*.